ПУТЕШЕСТВІЕ
въ
ПОЛУДЕННУЮ
РОССІЮ.

D'autres rapporteront des marbres, des médailles, de productions d'Histoire Naturelle: moi j'en rapporterai des sensations, des sentimens & des idées

du Paty.

ВЪ ПИСЬМАХЪ,

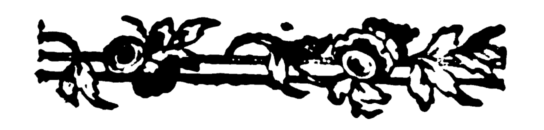
изданныхъ

Владимиромъ Измайловымъ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

МОСКВА, 1802.
Въ Университетской Типографіи,
у Люби, Гарія и Попова.

Съ дозволенія Московской Цензуры.



ПИСЬМО LXXVIII.

Симферополь.

Такъ ее видѣлъ я (*).

Подивитесь игрѣ случая. Отецъ нещастной есть тотъ почтенной иностранецъ, къ которому имѣлъ я рекомендательное письмо отъ нашего Московскаго Натуралиста. Узнаю объ ономъ — беру шляпу — и скорыми шагами приближаюсь къ жилищу Господина N. N.

(*) Смотри первую Часть сего Путешествія письмо LXXVII.

Легко было угадать его домъ, одно зданіе Европейскаго вкуса во всемъ Симферополѣ. Нѣтъ снаружи никакихъ блестящихъ украшеній, кромѣ одной колонады довольно скромной. Онъ стоитъ на прекрасной равнинѣ, отдѣляясь ею одной отъ береговъ Сальгира, обращенный передней фасадой къ великолѣпной картинѣ горъ, которыя цѣпью протягиваются за рѣкой. Такое положеніе живописное и романическое возвѣщало само собою убѣжище любителя природы и страдалицы чувствительности.

Вхожу въ домъ — спрашиваю объ хозяинѣ и сказываю объ себѣ. Мнѣ отворяютъ двери. Воображеніе мое, занятое еще романомъ, ви-

дитъ заранѣе печальную Героиню онаго въ каждомъ углу комнаты, какъ вдругъ встрѣчаетъ меня въ самомъ дѣлѣ молодая дѣвушка, блѣдная и томная. Безпорядокъ души, примѣтной въ самомъ притворномъ порядкѣ одежды, молодость покрытая темнымъ облакомъ, слабый взоръ угнетенный бытіемъ міра, наконецъ трогательное выраженіе живой горести во всей наружности, именовали нещастную. Это она, думалъ я, та самая, которая умѣла любить и умѣла быть любимой, — думалъ и готовъ былъ преклонить колѣно, чтобы боготворить ее. Ахъ! я трепеталъ въ душѣ моей, чувствовалъ неловкость, робость, смятеніе, хотѣлъ и удалиться и

остаться. Что касается до нее, то она приняла меня такъ равнодушно и хладнокровно, что видно было, что ничто чуждое не могло занять души ея, и что всѣ уваженія человѣческія изчезали передъ одной владычествующей страстію сердца. Не знаю, не предстала ли бы она на тотъ часъ съ тѣмъ же холоднымъ видомъ безпечности, съ тѣмъ же забвеніемъ всѣхъ земныхъ страховъ передъ лице перваго изъ деспотовъ, окруженнаго позорищемъ казни; казалось, что ужасы ея сердца были свыше всѣхъ ужасовъ въ мірѣ. Она глядѣла мнѣ прямо въ глаза, какъ будто не замѣчая чужаго человѣка, или не заботясь о присутствіи его, молчала, и ожидала, чтобы я

изъяснился. Тогда, оживив полумертвой голосъ на устахъ своихъ, она отвѣчала мнѣ слабо, но твердо, что отецъ ея скоро выйдетъ. Послѣ нѣсколькихъ незначущихъ вопросовъ, на которые отвѣчалъ я очень коротко, она погрузилась въ задумчивость; образъ ея еще болѣе помрачился; видно было, что ударъ судьбы повторился во глубинѣ души ея. Молчаніе царствовало между нами. Я не смѣлъ перерывать его. Собственные опыты научили меня щадить горестныхъ. Знаю, что лучше бы было въ такомъ случаѣ удалиться; но знаю и то, что никакая власть на землѣ не могла меня къ тому принудить, Естьли бы вселенная противъ меня во-

оружилась, естьли бы ужасы казни грозили мнѣ, то и тогда не укрылъ бы я моего сердца отъ тѣхъ сладкихъ впечатлѣній, которыя возбуждало во мнѣ присутствіе нещастной. Ахъ! для чего какая-то печальная благопристойность, напрасно названная симъ именемъ, налагала на меня обязанность, таить душевныя чувства! Для чего не смѣлъ я изъявить того живаго соучастія, которое сердце мое принимало въ судьбѣ ея! Для чего не могъ я слѣдовать движеніямъ нѣжнаго состраданія броситься къ ногамъ ея и воскликнуть со слезами: женщина нѣжная! женщина крайне чувствительная! ты достойна престоловъ міра! ты любила, ты страдаешь за то, что слишкомъ любить

умѣла. Сiи слова, готовыя нѣсколько разъ вылетѣть изъ устъ моихъ, замерли наконецъ во глубинѣ сердца.

Чрезъ полчаса времени явился самъ хозяинъ и за нимъ жена его. Нещастная скрылась. Мы остались трое. Наше знакомство, разговоры и бесѣда продолжались около часа времени, но едва ли удержалъ я въ памяти что нибудь изъ словъ ихъ; едва ли могъ чемъ нибудь заниматься, кромѣ мысли объ Софiи (*); едвали замѣтилъ на сей разъ что нибудь въ характерѣ почтеннаго хозяина, кромѣ глубокой опытности и Философiи, которыя не могли однакожъ сдѣ-

(*) Для Публики не нужно конечно знать точнаго имени ея.

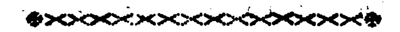
лать его равнодушнымЪ кЪ бурямЪ жизни. Мрачное облако затемняло ясность кроткаго взгляда, и вЪ голосѣ его чувствительно было стѣсненіе груди полной вздоховЪ. Бѣдная страдала не одна; родитель раздѣлялЪ сЪ ней чашу горести. ТакЪ угадывалЪ я, и время подтвердило мои догадки.

Вы можете легко судить, что я страшился отяготить моимЪ присутствіемЪ горестное семейство и спѣшилЪ удалить я. Хозяева, осыпавЪ меня ласками, требовали при прощаніи, чтобЪ я переселился вЪ ихЪ домЪ на все то время, которое проживу вЪ Симферополѣ, и требовали такЪ убѣдительно, что я не могЪ не принять ихЪ предложенія безЪ крайней неблаго-

дарности. Къ тому же я зналъ, что Г. N. N. даетъ у себя убѣжище всѣмъ путешественникамъ, слѣдственно я могъ еще менѣе отказаться, и радъ былъ въ то же время случаю жить подъ одною кровлею съ Софьею.

Софія послѣ перваго явленія своего скрылась и не возвращалась. Но я увидѣлъ ее опять на открытой галлереѣ дома, до которой проводилъ меня самъ хозяинъ. Тамъ стояла она, опершись на балюстрадъ одною рукою и поддерживая голову другою. Лице ея было обращено въ сторону. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому оглянулся я назадъ, и увидѣлъ трогательное зрѣлище. Печальная дочь прижималась къ сердцу сострждущаго о

ней родителя; слезы капали изъ глазъ ея, и онъ принималъ ихъ на теплую отеческую грудь свою. Увы! одна нѣжность любви родительской могла можетъ быть согрѣвать сердце ея, охладѣвшее отъ любви и отчаянія!



ПИСЬМО LXXIX.

Симферополь.

Я гулялъ нынѣшнимъ утромъ съ Госпожею N. N. Свѣжесть утра обратила нашъ разговоръ на вліяніе природы, на чувствительность души, и наконецъ на живыя страсти, которыя проистекаютъ изъ сихъ источни-

ковъ. Послѣ нѣсколькихъ разсужденій о семъ предметѣ, хозяйка дома задумалась и наконецъ сказала мнѣ: этотъ разговоръ, и это утро возобновляютъ память одного незабвеннаго дня. Такъ было тихо и ясно то утро, предъ которымъ послѣдовалъ у насъ одинъ ужасной ударъ любви и рока. Здѣсь угодно было судьбѣ показать въ живомъ образѣ существо Гетева воображенія и превратить романъ его въ существенность. Вы знаете конечно.... — Знаю, прервалъ я, знаю сударыня, и не хочу скрывать отъ васъ, что знаю; но естьли бы смѣлъ, то бы потребовалъ еще отъ довѣренности вашей.... — Она не дала договорить мнѣ и разсказала съ любезной ис-

кренностїю всѣ обстоятельства трагическаго анекдота. Въ заключенїе она прибавила: Это не тайна; нѣтъ уголка въ городѣ, гдѣ бы не знали и не говорили объ этомъ. Такїя произшествїя не могутъ утаиться отъ свѣта.

Не буду вамъ повторять того, что было уже много описано (*); но прибавлю нѣкоторыя новыя подробности, которыя не могутъ быть не занимательны для сердецъ чувствительныхъ.

Софїя и Зервелтъ разстались; но разрывъ любовниковъ не могъ произвести разрыва въ любви ихъ, которая была свыше всего въ

(*) См. первую Часть сего Путешествїя, письмо LXXVII.

мірѣ. Молодой человѣкъ въ минуту разлуки поцѣловалъ въ послѣдній разъ руку красавицы, взглянулъ на нее и сказалъ только: прости; но Софія прочла въ его сердцѣ все, чего не договорилъ языкъ его. Нѣсколько разъ готова она была слѣдовать за любимцемъ души своей; непреодолимое чувство влекло ее, и одна воля Верховнаго Посредника, которой въ опредѣленіи судебъ человѣческихъ осудилъ нещастнаго, могла удержать ее. Она осталась; но тайное безпокойство души привело ее въ такое волненіе, что она прибѣгнула къ груди родителя, чтобы успокоить себя въ страшномъ предчувствіи. „Я берегла васъ въ любви моей, сказала она, сберегите меня въ жиз-

ни моего друга, отчаяніе можетъ прекратить дни его для меня драгоцѣнные. Могу перенести разлуку съ нимъ. Но ... спасайте, спасайте его." — Сила родительскаго голоса побѣдила отчаяніе; обѣщали для нее сохранять жизнь молодаго человѣка, и бѣдная, обманутая надеждою, вкусила сладость утѣшенія. Состояніе ея требовало покоя: она удалилась въ свою комнату. Тамъ благодѣтельная природа послала къ ней тихой сонъ, чтобы возстановить истощенныя силы души и тѣла.

О превратность судебъ человѣческихъ! Въ ту минуту, когда Софія засыпала въ сладкой надеждѣ, что будущій день увидитъ еще друга ея въ семъ мірѣ, искра

жизни вылетала изъ груди сего пламеннаго любовника, и ея имя боролось еще на устахъ его съ самымъ послѣднимъ вздохомъ.

Ударъ совершился въ часъ ночи. Никто не предвидѣлъ произшествія; никто не предчувствовалъ бури; подъ одною кровлею, погибалъ нещастной, и пребывало все его семейство въ покоѣ. Притворная веселость его, въ послѣдній день жизни, обманула попеченія любви и дружбы; онъ удалилъ всѣ подозрѣнія и не оставалось сомнѣнія. Одинъ поразительной вопль — вопль смерти возвѣстилъ объ ударѣ и пробудилъ домашнихъ. Они застали его едва живаго; кровь лилась изъ сердца, и друзья поддержали только

клонящуюся голову. Онъ повторилъ въ безпамятствѣ ударъ кинжала надъ своимъ сердцемъ, прижалъ къ ранѣ бѣлой платокъ, полученный имъ нѣкогда въ подарокъ отъ любезной, хотѣвъ конечно запечатлѣть кровїю своею послѣднїй залогъ любви и нѣжности, произнесъ нѣсколько разъ слабымъ голосомъ: Софїя! Софїя! и скоро пересталъ слышать стонъ окружающихъ его друзей.

Нѣсколько писемъ, имъ самимъ написанныхъ, заключали въ себѣ послѣднїя чувства и желанїя души его. Онъ возвращалъ возлюбленной своего сердца бѣлой платокъ, прежнїй залогъ вѣрности, памятникъ щасливѣйшихъ временъ и знакъ страдальческой омоченный

нынѣ его кровію, не упрекалъ ее ни въ чемъ, и заклиналъ только именемъ сердечнаго союза, чтобы она не переставала любить тѣхъ, которые послѣ ее были ему дороже всего на свѣтѣ.

Печальные опыты доказываютъ, что познаніе страстей и сердца человѣческаго не есть всегда наука тѣхъ, которымъ Небо ввѣрило право быть посредниками судьбы и жизни. Родители Софіи почитали любовь молодыхъ людей однимъ минутнымъ заблужденіемъ; характеръ энергическихъ душъ укрывался отъ ихъ проницанія, и они увидѣли огненную бурю сердца только въ ту минуту, когда громъ ударилъ изъ тучи. Извѣстіе о семъ печальномъ случаѣ,

принесенное къ отцу во время ночи, сразило его. Въ отчаянiи онъ бросился къ дверямъ дочерней комнаты, чтобы ожидать тамъ ея пробужденiя и смягчить для нее, естьли возможно, жестокость вѣсти. . . .

Софiя не долго наслаждалась покоемъ. Внутреннее безпокойство разбудило ее на разсвѣтѣ дня. Утренняя заря горѣла на небѣ; птички запѣвали пѣсни свои; земля оживлялась въ радости; одна Софiя не раздѣляла всеобщее веселiе въ природѣ, и чувствовала казалось, что тайная буря потрясаетъ вселенную. Первое движенiе ея было выйти на балконъ, откуда видна кровля Зерветова жилища, и первый взоръ ея обратился на тѣ

стѣны, гдѣ вчерась еще солнце освѣщало жизнь чувствительнѣйшаго изъ смертныхъ; но гдѣ сего дня ничто въ мірѣ, кромѣ ея одной, не надѣялось видѣть бытія его. Заблужденіе ея скоро миновалось. Толпа народа, привлеченная любопытствомъ на дворъ печальнаго дома, необычайныя движенія и можетъ быть сердечное предчувствіе, подали ей сомнѣніе о судьбѣ милаго человѣка. Она затрепетала. . . . . — Нещастной Зервелтъ! вѣрю, что ты любилъ ее; но скажи, чѣмъ могла любовь твоя заплатить за эту ужасную минуту, въ которую замерло сердце Софіино подъ тяжестію удара? . . . . —

Зервелтъ прекратилъ жизнь и мученіе. Софія

осталась жить и страдать. Кто принесъ изъ нихъ большую жертву любви? Ахъ! конечно послѣдняя.

Вотъ вамъ Канева для романа. Пишите Рускаго Вертера.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

ПИСЬМО XXX.

Симферополь.

Еще слово объ Софiи. Еще слово объ моемъ сердцѣ.

Она не красавица, но хороша и мила. Черные большiе глаза осѣняются прекрасными рѣсницами; чувствительность погасила розы на щекахъ, но за то дала имъ трогательную блѣд-

ность. Во всѣхъ чертахъ видна нѣжность; во всѣхъ движенїяхъ физїогномїи видны движенїя сердца. Кажется, что наружность лица ея есть одно прозрачное покрывало внутренняго чувства. Прибавьте къ сему не высокой, но стройной станъ, черные волосы опушающїе плеча, легкїй отпечатокъ груди, наконецъ образъ одной изъ Грацїй.

Душа ея всего прекраснѣе. Она живетъ для родителей и дышетъ только ихъ щастїемъ. Каждая мысль ея есть добродѣтель; ибо она ищетъ сдѣлать щастливымъ все, что ее окружаетъ. Каждой поступокъ ея есть ласка, ибо чувство оживляетъ ея учтивость.

Каждое слово ея єсть прїятность; ибо сердце всегда на устахъ ея.

Прекраснѣйшее изъ существъ любитъ какъ будто бы по симпатїи всѣ прекраснѣйшїя дѣйствїя искусствъ и природы. Прїятное утро, живописное мѣсто, хорошая картина, щастливая черта ума или сердца, ничто изящное не укрывается отъ ея души, и все возбуждаетъ въ ней самыя живыя движенїя. Таланты ея наперсницы. Они съ нею на тронѣ. Софїя рисуетъ, поетъ и играетъ на арфѣ, какъ Сафо.

Живу подъ одной кровлею съ нею, вижу ее всякой день, и чувствую, что нѣтъ равнодушнаго къ взгляду

чувствительной женщины.

Вчерась чадолюбивой отецъ, которой ищетъ случая естьли не развеселять, то по крайней мѣрѣ разсѣявать дочь свою, уговорилъ ее сѣсть за арфу. Повинуясь ему въ угожденіе одной его волѣ, противъ расположенія своего сердца, она взглянула на него съ такимъ взоромъ, которой былъ трогательнымъ выраженіемъ ея сердечнаго чувства. Въ самомъ дѣлѣ какая минута была для нея та, въ которую надлежало рукѣ ея прикоснуться къ арфѣ давно забытой, оставленной вмѣстѣ со щастіемъ, не одушевленной уже любовію! Какъ будто страшась, чтобы музыка не повторила эхо минувшихъ дней,

пальцы ея слабо тронули струны инструмента, которыя тронули конечно въ свою очередь чувствительнѣйшую струну ея сердца; ибо слезы навернулись на ея глазахъ. Отецъ, разговаривая со мною, не замѣчалъ ея движенія; но я видѣлъ, какъ она обтерла бѣлымъ платкомъ глаза свои полные слезъ. Ни одно движеніе твое, чувствительная Софія! не укрылось отъ моего вниманія.

Наконецъ вооруженная остаткомъ силъ, и можетъ быть оживленная воспоминаніемъ минувшаго блаженства, Софія заиграла и запѣла. Бѣлыя руки ея согласно съ выраженіемъ лица, согласно съ черными глазами, движимыми небеснымъ огнемъ, бѣгали по арфѣ и перебирали

всѣ чувствительнѣйшїе тоны страстей. Казалось, что душа ея, выливаясь въ каждомъ звукѣ голоса, прикасалась къ струнамъ инструмента и черезъ нихъ къ душѣ слушателей. Я видѣлъ, видѣлъ, какъ всѣ тонкїя жилы ея шеи были въ тихомъ бїенїи, какъ грудь ея волновалась подъ легкимъ покрываломъ, и какъ томные взоры летѣли успокоиться на небо.

Не изъясню никогда того, что я чувствовалъ въ сїю минуту, будучи окруженъ соединенньмъ очарованїемъ музыки, нѣжнаго женскаго голоса и прекраснѣйшаго изъ лѣтнихъ дней. Кровь текла быстро въ жилахъ моихъ; восторгъ и трепетъ переливались въ моей

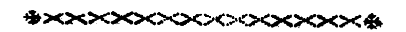
внутренности; сердце замирало подЪ тяжестїю небеснаго блаженства. Я позабылЪ самого себя, позабылЪ остатокЪ мїра; образЪ пѣвицы носился передо мною во мракѣ. Она играла часЪ отчасу трогательнѣе, пѣла часЪ отчасу нѣжнѣе; я одну ее слышалЪ, одну ее видѣлЪ. . . Непостижимое чувство!

НаконецЪ пѣвица и арфа умолкли. Звуки ея голоса долго еще повторялись во глубинѣ души. Послѣдовала тишина между бесѣдующими. Софїя разтроганная скрылась, чтобы пролить конечно тайныя слезы вЪ память своего друга. Изчезло очарованїе музыки, изчезЪ обманЪ сердца, и я подумалЪ вЪ первой разЪ сЪ горестью о

томъ, что Софія ничего для меня и я ничего для Софіи.

Скоро я самъ удалился на берега Сальгира и сѣлъ тамъ на зелени. Вокругъ меня все было тихо; въ глазахъ моихъ вѣтерокъ игралъ листочками; отъ времени до времени запѣвалъ соловей; нѣкоторое восхитительное усыпленіе овладѣло всѣми моими чувствами. Сихъ часовъ жизни моей, въ которые душа моя погружалась въ самое себя и мечтала о неизчетныхъ блаженствахъ любви, сихъ сладкихъ часовъ не отдалъ бы я ни за какую славу въ мірѣ. Признаться ли вамъ? Софія входила въ планъ мечтательнаго щастія. Я воображалъ себя благополучнымъ ея любимцемъ, гулялъ съ ней по пре-

красным долинамъ, переносилъ черезъ ручейки милое бремя, слушалъ ее поющую въ лѣсу, какъ малиновку, и — ... Но время возвратиться къ другимъ достопамятностямъ Крыма.



ПИСЬМО LXXXI.

Симферопель.

Предвижу ваше нетерпѣнїе. Вы требуете, чтобы я начертилъ вамъ портретъ того славнаго мужа, который въ области Наукъ, въ таинствахъ Природы и въ Исторїи путешествїй приближилъ насъ нѣсколькими шагами къ успѣхамъ; кото-

рой изъ нѣдръ ученаго отечества (*) переселился въ Россїю, чтобы посвятить перо свое познанїю ея народовъ, ея земель, ея природныхъ произведенїй; которой наконецъ украшаетъ еще землю остаткомъ полезной жизни, подъ щасливымъ солнцемъ Тавриды, въ изслѣдованїи сего знаменитаго полуострова (**) и въ нѣдрахъ философической тишины.

Палласъ приближается къ старости. Въ предисловїи

(*) Изъ Германїи.

(**) Когда сїе писано было, первой Томъ новаго Палласова путешествїя печатался въ Германїи; но теперь онъ уже въ рукахъ ученаго Свѣта. Второй, гдѣ описывается Крымъ, не замедлитъ вытти.

къ новому своему путешествію, онъ восклицаетъ съ Бардомъ Шотландскимъ:

Aber die Zeit meines welkens ist nahe,
Nah der Sturm, der meine Blätter herabstört;
Morgen wird der Wanderer kommen,
Rings im Felde wird sein Auge mich suchen,
Und wird, und wird mich nicht finden.

т. е.

Но скоро жизнь моя увянетъ,
Ужъ скоро облетитъ мой цвѣтъ;
За утро странникъ притечетъ,
Меня съ цвѣточкомъ не застанетъ.

Но онъ еще довольно свѣжъ и бодръ. Умѣренность и воздержаніе поддержали слабое его здоровье, разстроенное долговременнымъ путешествіемъ.

Наружность его не плѣнительна, но выраженіе ли-

ца прїятно; физїогномїя умна, видЪ кротокЪ, и вЪ чертахЪ его можно читать при первомЪ взглядѣ, что никогда зло не приближалось кЪ сердцу его; что порокЪ уважалЪ всегда вЪ немЪ добродѣтель, и что щастливое равновѣсїе страстей сообщило мирную ясность душѣ его. Прибавлю одну замѣчательную черту. Сомнительно, чтобы человѣкЪ сЪ развратнымЪ сердцемЪ и сЪ порочною душею могЪ долго выдержать взглядЪ его, которой возвѣщаетЪ присутствїе добродѣтельнаго.

ПалласЪ рожденЪ для глубокихЪ НаукЪ; ибо онЪ не имѣетЪ того свойства вЪ душѣ, которое дѣлаетЪ самаго мудраго, подобно славному Женевскому Граждани-

ну, рабомЪ страстей, и примѣшиваетЪ заблужденія сердца кЪ понятіямЪ разума.

За то воображеніе его не легко воспаляется огнемЪ того энтузіазма, которой есть источникЪ душевнаго жара и краснорѣчія; за то вЪ твореніяхЪ сего великаго Натуралиста не блеститЪ великой писатель; за то искуство писать, привлекать умЪ и сердце читателя, украшать цвѣтами самыя отвлеченныя понятія, бываетЪ рѣдко искуствомЪ глубокоученыхЪ людей. Иные изЪ нихЪ пренебрегаютЪ слогомЪ, какЪ украшеніемЪ чуждымЪ ихЪ предмету; другіе не получили отЪ природы того таланта, которой вЪ твореніяхЪ БюффоновЪ и БоннетовЪ оживляетЪ блестя-

щими красками самую Метафизику. Многіе, какъ Невтонъ, родятся для однихъ умозрѣній.

Природа сообщила нѣчто собственное языку своего глубокаго Испытателя. Рѣчь его, подобно Натурѣ, проста, тиха и занимательна. Естьли разговоръ его не оживляется жаромъ, то онъ не имѣетъ и неровностей, неразлучныхъ съ энтузіазмомъ. Я не замѣтилъ, чтобы онъ любилъ какую нибудь матерію отмѣнно передъ другой, или чтобы онъ охотнѣе обращалъ разговоръ на тотъ предметъ, которой для него всего занимательнѣе (ибо не льзя думать, чтобы не было для него такого предмета); что доказываетъ,

кажется, равность его духа. Вообщежъ многіе, по крайней мѣрѣ изъ свѣтскихъ и неученыхъ захотятъ лучше слушать, нежели читать его. Въ произведеніяхъ его видѣнъ одинъ ученой, но въ разговорѣ видѣнъ человѣкъ и доброй Философъ. Познанія показываютъ умъ, чувства открываютъ сердце.

Путешествіе есть страсть его. Онъ говоритъ, что никогда жизнь его не текла такъ пріятно, какъ во время странствій. Дикіе народы веселили, занимали, научали его; просвѣщеннѣйшій умъ обогащался еще чертами необработаннаго человѣческаго смысла, и сладкое воспоминаніе сихъ впечатлѣній приноситъ ему болѣе удовольствія, нежели блескъ

заслуженной славы. Онъ убѣждалъ меня нѣсколько разъ испытать мореплаванія, и разсказывалъ мнѣ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя онъ вкушалъ на морѣ. Спокойствіе мирной совѣсти слѣдовало за нимъ въ нѣдра бурной стихіи. Подъ свирѣпствующимъ небомъ и океаномъ, въ часы грозящіе кораблекрушеніемъ, великой мужъ просиживалъ на палубѣ все время опасности, разбиралъ оттѣнки въ грозной картинѣ Природы, и свѣтлымъ взоромъ, яснымъ сердцемъ отражалъ ужасы мрачной бури. Странническая жизнь, послѣ двадцатилѣтняго безпрестаннаго путешествія не могла ему наскучить. Нынѣ въ лѣтахъ, близкихъ къ глубокой ста-

рости, онъ объѣхалъ еще въ другой разъ цѣпь Крымскихъ горъ, тамъ, гдѣ нѣтъ никакой другой дороги, кромѣ одной узкой тропинки, висящей по хребтамъ скалъ надъ ужасными пропастьми, надъ пучиной чернаго моря, и гдѣ должно пробираться по камнямъ пѣшкомъ или верхомъ на Татарской лошади, которая одна знакома съ сими страхами. Признаюсь, что примѣръ сего мужа болѣе, нежели что нибудь утвердило меня въ намѣреніи объѣхать горы тою же дорогою. Онъ далъ мнѣ записку руки своей. Воспользуюсь оною. Стыдно бы было молодому не извѣстному солдату, но ревнующему къ отличности, уступить въ подвигахъ престарѣлому Герою давно

славному, давно достойному уваженїя.

Прикасаюсь къ примѣчательнѣйшей чертѣ его характера. Никто изъ славныхъ людей не пользуется такъ мало прїобрѣтеннымъ правомъ говорить о самомъ себѣ; никогда слава не встрѣчала можетъ быть духа, столь мало ею жаждущаго; кажется, что имя его, столь громкое въ ученомъ мїрѣ, едва ли ему самому извѣстно, или по крайней мѣрѣ едва ли памятно. Противоположите Бюффона Палласу, и вы противоположите самолюбивѣйшаго человѣка въ свѣтѣ негорделивѣйшему изъ смертныхъ. Чему приписать такое смиренное чувство своего достоинства? Отчасти скромности, но болѣе щастливо-

му характеру души его, не жадной къ славѣ, не привязанной къ блеску, и сотворенной для одного миролюбиваго чувства.

Сей моральной характеръ отчасти даръ природы, отчасти плодъ мудрости, служитъ основанïемъ его мнѣнïй въ Философïи. Онъ приписываетъ происхожденïе нравственныхъ золъ обществамъ человѣческимъ и безчисленному соединенïю людей въ одинъ кругъ, гдѣ пороки сообщаясь ближе и ближе, портятъ нравы, подобно какъ пары, испорченные и сжатые въ городѣ, заражаютъ воздухъ. Усовершенïе разума человѣческаго, всеобщее просвѣщенïе и царство одной добродѣтели не можетъ ни-

когда, по его мнѣнію, послѣдовать на землѣ. Предполагая даже возможность успѣха, слѣдствія кажутся ему противными связи обществъ, которыя не могутъ покоиться на однѣхъ подпорахъ чистаго разсудка. Наука должна быть, какъ онъ думаетъ, собственностью нѣкоторыхъ преимущественныхъ умовъ; другіе должны довольствоваться, естьли можно такъ сказать, одной легкой корой истины, и труды, съ которыми мы похищаемъ таинства изъ святилища Природы, служатъ для него доказательствомъ, что она сама хотѣла скрыть ихъ отъ всеобщаго познанія. На мое возраженіе, что человѣкъ родится съ даромъ мыслить, чувствовать, и наконецъ при-

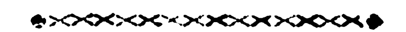
ближаться къ свѣтильнику разума, онъ отвѣчалъ мнѣ, что Татары, со времени Геродота до нашихъ дней, неприближились ничего далѣе къ нравственности, и являютъ намъ въ себѣ тѣхъ же грубыхъ Скифовъ, которыхъ описывалъ сей древній Историкъ. Естьли въ теченіи двухъ тысячь лѣтъ и въ цѣломъ народѣ, ходъ ума не прибавился ни на шагъ, то онъ полагаетъ, что разумъ можетъ заключаться въ нѣкоторыхъ предѣлахъ. Разсуждая со мной однажды о пагубномъ разрывѣ всѣхъ подпоръ нравственности въ наше время, онъ сказалъ мнѣ: (слово, примѣчательное въ въ устахъ Философа) *истинна должна бы оставаться между нами Академиками.* При-

знаюсь, что такая гордая мысль въ самомъ негордомъ человѣкѣ едва можетъ быть оправдана въ глазахъ моихъ и тѣмъ чувствомъ негодованія, которое возбудила въ миролюбивыхъ душахъ кровавая эпоха нашего времени.

Естьли Палласъ примѣчателенъ въ ученомъ званіи своемъ, то не менѣе достойна примѣчанія приватная жизнь его. Какъ Философъ и какъ Натуралистъ, онъ предпочелъ тихой уголокъ Тавриды всѣмъ лучшимъ городамъ въ Европѣ. Земли, полученныя имъ въ Крыму отъ Великой ЕКАТЕРИНЫ, приносятъ ему изрядной доходъ и дѣлаютъ его жизнь свободною. Всякой день бы-

ваютъ у него гости; супруга и дочь служатъ душею сего общества; онъ самъ участвуетъ въ разговорахъ въ часы своего отдохновенїя. Слѣдуя своимъ правиламъ, онъ не любитъ въ многолюдствѣ разсуждать о важныхъ предметахъ морали и философїи. Ученой, внѣ круга своего, съ шагомъ за кабинетъ, перестаетъ быть ученымъ. Любопытно взглянуть на отличнаго мужа въ кругу людей, которые въ тѣсной сферѣ общежитїя рѣдко бываютъ отборными людьми, и видѣть, какъ тотъ глубокой умъ, которой не однажды застигалъ Природу въ ея тайныхъ дѣйствїяхъ, занимается самыми мѣлкими чертами умовъ обыкновенныхъ.

Не думайте однакожъ, чтобы сей кроткой человѣкъ не имѣлъ сердечныхъ прискорбій и умѣлъ бы лучше другихъ, подъ егидою Философіи, укрываться отъ бурь житейскихъ. Невѣжество, зависть и злоба ищутъ помрачить спокойствіе дней его.



ПИСЬМО LXXXII.

Симферополь.

Взглянемъ на сей городъ.

Онъ былъ средоточіемъ торговли у Татаръ. Россія, по завоеваніи полуострова, назначила его главнымъ городомъ Таврической области. Нынѣ принадлежитъ онъ къ Новороссійской Губерніи.

Младенческое его основанїе, зданїе Азїатическаго вкуса, кровли домовъ покрытыхъ черепицею, мечети возносящїяся подобно башнямъ, улицы перепутывающїяся въ кривизнахъ, пестрота товаровъ выставленныхъ въ лавкахъ, восточные обряды и одѣянїя, прїятная разнообразность, непохожая на монотонїю нашихъ Европейскихъ городовъ, построенныхъ, кажется, по одному чертежу, по одной мысли, по одному вкусу; все необыкновенное и новое поражаетъ здѣсь глаза путешественника и подаетъ случай къ размышленїю.

Здѣсь вы приближаетесь можетъ быть къ точкѣ, отъ которой земные народы обратились въ теченїе. Здѣсь

чувствительно вамъ, что вы переселились изъ нѣдръ блестящихъ художествъ въ колыбель общественныхъ изобрѣтеній; здѣсь первыя черты того искусства, которое отъ рисунка простой хижины вознеслось наконецъ до чертежа величественнаго Пантеона (*), заставляютъ удивляться неизмѣримому шагу ума человѣческаго.

Сего дня вы удивляетесь дикому состоянію сего города, но скоро вы будете удивлятися цвѣтущему блеску его.

Уже щастливый Геній Россіи являлся съ ЕКАТЕРИНОЮ Второй въ Симферополѣ; зданія Европейскаго вкуса въ немъ возносятся,

(*) Славное зданіе въ Римѣ.

новые жители селятся, развертывается цвѣтъ общежитія, жизнь дѣлается пріятною, и присутствіе славнаго мужа (*), поселившагося въ стѣнахъ сего города, возвѣщаетъ, кажется, зарю будущаго его просвѣщенія.

Непростительно, говоря такъ долго объ Симферополѣ, не сказать ничего объ лучшемъ его украшеніи.

Взойдите на пригорокъ, гдѣ встрѣчаю я всегда тихіе часы утра; взгляните на городъ, какъ будто бы брошенной посреди долины съ щасmливымъ небреженіемъ; взгляните, какъ Салгиръ осѣненный группами темнозеленыхъ раинъ, извивается по долинамъ до конца горизонта

(*) Палласа.

гдѣ цѣпь горъ склоняется передъ вѣнцемъ гордаго Чатиръ-Дага (*); взгляните, какъ свѣтъ мѣшается съ тѣнью, какъ призраки носятся въ отдаленности, изчезаютъ и снова играть являются, какъ съ каждымъ мгновенiемъ ока перемѣняются оттѣнки въ картины; взгляните наконецъ, какъ птички порхаютъ, ручейки струятся, луга зеленѣютъ, горы курятся, и вся Природа дышетъ радостью и щастiемъ.

Сколько оттѣнокъ въ семъ ландшафтѣ, столько движенiй въ душѣ зрителя. Долина, скрытая за горами, скрываетъ васъ отъ цѣлаго мiра, питаетъ любовь къ

(*) Смотри письмо CXII.

уединенїю, и обѣщаетъ въ улыбкѣ Природы всѣ наслажденія жизни.

Симферополь есть убѣжище чувствительнаго сердца.

ПИСЬМО LXXXIII.

Симферополь.

Наконецъ являлся я и къ Начальнику здѣшнихъ мѣстъ, Графу Ках***.

Знатной человѣкъ, украшенный лентами и сѣдинами, удостоилъ пригласить къ своему обѣду и сообществу путешественника вашего, не приносящаго съ собою никакого другаго титла, кромѣ любви къ наукамъ.

Мы говорили о Москвѣ, разсуждали о фамиліи моей, которой Генеалогія, признаюсь можетъ быть къ стыду моему, извѣстнѣе ему, нежели мнѣ; коснулись наукъ, и остановились на Крымѣ.

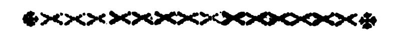
Къ обѣду съѣхались гости, Офицеры, Татарскіе начальники и Комендантъ Господинъ Бор***.

Всеобщій разговоръ обращался на разные предметы: было слово о дождѣ, о погодѣ, и было слово объ эпохѣ нашего времени; быстрыя черты скользили.

Мы разстались.

Я остаюсь обязаннымъ Графу Ках*** за его ласки, а особливо за данной мнѣ

листъ, для свободнаго путешествія по всему Крыму.



ПИСЬМО LXXXIV.

Бакчисарай.

Явленіе Бакчисарая есть нѣчто нечаянное и пріятное.

Горы скрываютъ его отъ взоровъ путешественника. Спускаешься въ лощину, и удивляешься вдругъ маленькому городку, которой съ бѣлыми тонкими трубами, съ остроугольными мечетями, съ высокимъ Ханскимъ Дворцемъ, съ цвѣтущими садами и пирамидальными раинами открывается, подобно прекрасной игрушкѣ, на са-

той узкой долинѣ, подъ свѣсомъ скалъ его окружающихъ.

Я не нашелъ во внутренности города того, что обѣщалъ первой взглядъ его. Тѣсныя улицы, гдѣ смрадные пары спираются, бѣдные Татарскіе дома, окна безъ стеколъ съ желѣзными рѣшетками, темные терема, гдѣ ревность заключаетъ любезнѣйшихъ изъ существъ, базаръ или рядъ съ пестрѣющими товарами, гдѣ Мусульманы сидя на прилавкахъ курятъ свои трубки; вотъ все, что встрѣчаетъ путешественникъ въ Бакчисараѣ.

Нѣчто еще составляетъ мертвую пустоту въ стѣнахъ сего города; недостаетъ чего-то необходимаго для

жизни, и сердце тоскуетъ. Долго искалъ я онаго — не находилъ — и спѣшилъ удалиться. Ахъ! въ немъ нѣтъ женщинъ, любезныхъ женщинъ; ни одной не видно на улицѣ; ни одна не смѣетъ выглянуть изъ окошка; ни одна не показывается безъ покрывала. улыбка ихъ не оживляетъ путешественника; душа его не освѣжается ихъ взоромъ, и Природа кажется мертвою безъ существъ ее украшающихъ.

Магометъ! я не люблю твоего закона; ибо онъ не согласенъ съ природой и моимъ сердцемъ.

Ханской Дворецъ еще здѣсь существуетъ. Онъ имѣетъ прекрасные сады; мраморъ и золото украшаютъ

внутренность комнатъ. Диваны достойны Азïатской нѣги. Недавно рука Европейскаго искуства прибавила еще къ нему печать свою. Не мудрено; ибо въ немъ жила нѣсколько дней ЕКАТЕРИНА II. Нѣжность вкуса Ея могла ли довольствоваться грубымъ убранствомъ восточныхъ артистовъ?

Я не могъ не остановиться мыслïю на пребыванïи Россïйской Монархини и Побѣдительницы въ семъ городкѣ, Ею покоренномъ и въ семъ Ханскомъ Дворцѣ. Она видѣла себя на полуостровѣ славномъ въ мïрѣ, и причисленномъ къ ея Державѣ; Она сидѣла съ благороднымъ величествомъ на диванахъ Хана, попирала съ улыбкой

гордость Султанскаго Намѣстника, и переносилась мысленно можетъ быть въ древнюю Византїю на престолъ Константиновъ, въ бывшую столицу ихъ. Блескъ, величество, удовольствїе Ее окружали; молва о Ея славѣ неслась къ Ней со всѣхъ концовъ Вселенной, и Она вздыхала только можетъ быть въ сїю минуту отъ полноты сего радостнаго чувства.

Гдѣжъ Ты теперь, Ты, которой блескъ и торжество не должны были, казалось, никогда кончиться?

Мавзолеи, поставленные въ саду Ханскомъ, заросшїе густыми деревами, покрытые священною тѣнью, возбуждаютъ благоговѣйной трепетъ въ тѣхъ сердцахъ.

которыя умѣютъ чувствовать.

ПИСЬМО LXXXV.

Джуфутъ-Кале.

Стою въ низкой долинѣ, гляжу на верхъ и чувствую попеременно ужасъ, радость и изумленіе.

Утесистая гора стоитъ на чрезвычайной вышинѣ, слои камней покрываютъ ее, висящія скалы грозятъ паденіемъ; но на самой вершинѣ горы возносится городъ съ крѣпостью. Дерзость человѣка вознеслась выше ужасовъ природы, и обитатели земнаго міра поселились въ нѣдрахъ облачнаго неба.

Взбираюсь на высоту; скользу по камнямъ, и въ потѣ лица достигаю наконецъ до вершины ея.

О чудо! я нахожу одинъ цѣльный камень на окружности двухъ верстъ, и на немъ улицы и людей покойно живущихъ; нахожу на страшномъ утесѣ убѣжище потомковъ древняго Ізраиля, изгнанныхъ въ мірѣ; нахожу подъ облаками храмы его, которыми презираетъ человѣчество, но которые щадитъ громъ самаго Бога.

Кажется при первомъ взглядѣ, что горные жители сего городка укрылись отъ бурь земныхъ; но перуны человѣческіе, ужаснѣе небесныхъ, постигли ихъ въ самомъ неприступномъ убѣ-

жищѣ. Въ стѣнахъ крѣпости видны проломы, ворота каменныя разрушены; вездѣ остались гибельные слѣды оружія.

Число Жидовъ въ семъ городѣ ихъ имени простирается можетъ быть до тысячи человѣкъ. Нѣтъ никакихъ строеній, кромѣ весьма бѣдныхъ домовъ и синагоговъ Еврейскихъ. Раввины проводятъ свое время въ ничтожествѣ, молятся и ожидаютъ Мессія.

Подлѣ стѣнъ городскихъ показывали мнѣ отдѣленной и загороженной лугъ, родъ звѣринца, гдѣ содержатся дикіе олени и козы. Одни щипали травку, когда я пришелъ туда; другіе катались по ароматной травѣ; иные рѣзвились и бѣгали съ чрезвычай-

ной быстротой и легкостью. Я порадовался на нихЪ. Они лучше пользуются бытіемЪ своимЪ и Природой, думалЪ я, нежели Жиды вЪ стѣнахЪ своихЪ.

Едва ли не забылЪ я сказать вамЪ, что видѣлЪ вЪ ДжуфутЪ-Калѣ одинЪ огромной Мавзолей Княжны Татарской. Ибо легко забываю тѣ предметы, которые не говорятЪ ничего уму и сердцу моему.

Но что бы осталось памятнаго вЪ мірѣ, естьли бы забыли люди все, что забыть должно? Сколько разрушилось бы вдругЪ порфирныхЪ зданій, мраморныхЪ капищЪ и золотыхЪ идоловЪ, которые до того утнѣтали взоры и память чело-

вѣческую! Боюсь, чтобы Мїръ не превратился тогда въ пустыню.

Для утѣшенія взглянемъ на эту зеленую рощу, которая въ половинѣ горы скрываетъ въ тѣни своей прахъ человѣческой, гдѣ Жиды покоютъ умершихъ братій своихъ, и гдѣ другъ услаждаетъ друга въ самомъ гробѣ зеленою тѣнью и свѣжими цвѣтками. Сїе кладбище такъ священно для Жидовъ, что во время Хановъ они платили неизчетныя суммы за то, чтобы не рубили сихъ деревъ и не тревожили праха ихъ собратїй.

Я сѣлъ въ тѣни сихъ деревъ, и предался сладкой задумчивости. Тишина, которая въ семъ мѣстѣ оби-

таетъ, тихой сонъ мертвыхъ, мысль о тѣхъ, которые нѣкогда наслаждались земными радостями и скрылись съ ними во мракъ вѣчной ночи; непроницаемая завѣса, которая отдѣляла тотъ міръ отъ нашего; желаніе заглянуть за крайній предѣлъ жизни; наконецъ воспоминаніе любезнѣйшаго изъ друзей мною потеряннаго: вотъ что занимало душу мою около двухъ часовъ. Надъ головой моей вѣтерокъ шевелилъ листочками; возвышающіяся горы скрывали отъ меня остатокъ міра; я мечталъ и забывался.

ПИСЬМО LXXXVI.

Греческой монастырь.

Чудесное искуство, съ которымъ сей монастырь высѣченъ въ горѣ изъ камня, достойно удивленія!

Сколько отважности и духа, сколько неизчетныхъ трудовъ потребно было на то, чтобы разсѣчь своды утеса, смягчить камень и превратить часть громады въ храмъ Божества!

Сей храмъ виситъ на хребтѣ горы. Кажется, что сама скала, на которой онъ стоитъ, хочетъ обрушиться; но сколько вѣковъ протекли мимо, и не поколебали ея!

Въ семъ храмѣ, чудесно сооруженномъ, покланяюсь вмѣстѣ и Богу, сему первому Творцу всѣхъ чудесъ въ Природѣ; и человѣку, сему щастливому соревнователю Природы.

Лѣстница, высѣченная также изъ камня около двухъ сотъ ступеней, привела меня къ сему монастырю.

Вотъ кельи, гдѣ труженики и страдальцы вѣры спасаются отъ страстей земныхъ, и куда страсти земныя иногда за ними преслѣдуютъ. Теперь все пусто; одно мертвое эхо напоминаетъ только о мертвыхъ пустынникахъ. . . .

Вотъ гробы, заключающїе пыльные остатки бренности человѣческой. . .

Всхожу выше на сїю гору, и открываю прекрасную картину. Прямо передо мною цвѣтетъ Бакчисарай посреди зеленыхъ садовъ, его окружающихъ; далѣе зеленѣетъ долина, на которой стоитъ Акмечеть; съ другой стороны на концѣ горизонта въ отдаленномъ туманѣ синѣетъ море.

ПИСЬМО LXXXVII.

Эски-Юртъ.

Въ верстѣ отъ Бакчисарая отведено было мѣсто Туркамъ, подъ названїемъ Эски-Юртъ, гдѣ дружба, благодарность, и можетъ быть любовь посвящали велико-

лѣпныя гробницы въ память драгоцѣннаго бытія.

Но какая варварская рука разрушила сіи прекрасные мавзолеи? какое звѣрское сердце было у тѣхъ воиновъ, которые, поражая живыхъ, не пощадили и мертвыхъ? какая ярость могла вооружить человѣка на разрушеніе мирнаго праха? какъ сердце при видѣ сихъ величественныхъ гробницъ не удержало руку?

Увы! скройте сей послѣдній мавзолей, которой свидѣтельствуетъ еще о разрушеніи; загладьте все до послѣднихъ слѣдовъ, на семъ мѣстѣ, чтобы не оставалось никакой памяти объ истребленіи; и запретите говорить объ Эски-Юртѣ,

естьли не хотите, чтобы путешественникъ съ чувствомъ и мысляяи вѣчно обвинялъ въ варварствѣ тѣхъ, которыхъ рука была рукою сокрушительною.

Я не могъ глядѣть на сіе мѣсто, и скоро удалился.

ПИСЬМО LXXXVIII.

Дорога отъ Бакчисарая...

Въ шесть часовъ утра выѣхалъ я изъ Бакчисарая, и глаза мои не переставали восхищаться живописными ландшафтами, особливо Арамъ-Коемъ, гдѣ рѣка Качи течетъ между садовъ виноградныхъ чрезъ луга и рощи, и гдѣ свѣтленькой

сельской домикъ прибавляетъ къ украшенію мѣста. Такая долина обѣщаетъ миръ и щастіе.

Не одно положеніе сего мѣста должно привлекать чувствительнаго путешественника, но и имя самаго хозяина, Господина Мор***.., котораго присутствіе не украшаетъ на сей разъ Арамъ-Коя, но котораго добродѣтель и просвѣщеніе дѣлаются чувствительными въ самомъ его отсутствіи; о которомъ говорятъ люди со слезами чувствительности, и котораго похвала родится на устахъ человѣка, ему незнакомаго.

Не знаю, увижу ли я сего почтеннаго Россіянина, приносящаго честь своимъ

соотечественникамъ. Но те-хожу во всѣхъ сердцахъ образъ его, и во всѣхъ устахъ похвалу ему.

За симъ прїятнымъ мѣстомъ встрѣчается Каралесъ, дача Г. Казадарова. Все, что такъ нравится чувствительнымъ душамъ — тѣнистыя рощицы, журчащїе ручейки, романическїе виды — все представляется на сей долинѣ. Смотришь, и вздыхаешь противъ воли; гуляешь, и хочешь любить всѣми способностями души своей; садишся на берегъ рѣчки, и движенїе воды есть, кажется, движенїе души твоей. Я провелъ тутъ около часа времени, и все, что нѣкогда было дорого моему сердцу, все, что любилъ и люблю еще, всѣ сладчайшїя воспоминанїя и надежды, все

это являлось передо мною въ живой картинѣ. Я былъ опять щастливъ минувшими радостями; — бесѣдовалъ съ отдаленными друзьями моими, и — приближалъ минуты радостнаго свиданія. Каралесъ! я тебя никогда не забуду.

Въ Каралесѣ захотѣлъ я отдохнуть: вошелъ въ одинъ Ханъ (*), и увидѣлъ Татарина, шестидесяти-лѣтняго старика. Онъ сидѣлъ на диванѣ сложа ноги; благородное лице показывало благородную душу, въ рукахъ его была балалайка. Я сказалъ ему: *Селамъ аликемъ*, то есть здравствуй, и сѣлъ рядомъ съ нимъ. Онъ

(*) Такъ называются гостиные дворы, или постоялые, въ Крыму.

улыбнулся на меня, ударилъ по струнамъ, заигралъ и запѣлъ. И игра сія напоминила мнѣ о семъ стихѣ Поэта:

Il s'entoure des biens qu'il goûta si longtems;
Sa vieillesse sourit aux jeux de son printems.

Музыка его выражала нѣжность; сладкая улыбка показывала еще душу огненную и въ самой старости. Я вздумалъ позабавиться надъ старикомъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ чрезъ переводчика. „Ты поешь любовныя пѣсни, но зима сѣдѣетъ на головѣ твоей; время думать не о любви, но о вѣчности.“ — Зима на головѣ моей, но въ душѣ еще весна; я мечтаю, люблю и пою. —

„Всегда ли думаешь ты пѣть и любить?“ — Конечно безъ того не былъ бы я такъ веселъ. Въ молодости весело наслаждаться, въ старости пріятно жить воспоминаніемъ; по смерти щастіе ожидаетъ насъ съ прекрасными Гуріями.„ Таковы были отвѣты шестидесяти-лѣтняго старика. Огонь блисталъ еще въ глазахъ его, и я читалъ въ лицѣ старца чувство сердечнаго увѣренія.

ПИСЬМО LXXXIX.

Дача Г. Габлица.

Путешественнику непростительно бы было не заглянуть на остатки разрушенныхЪ Генуезскихъ крѣпостей, извѣстныхЪ подЪ именемЪ Черкесъ-Кермена и Мангупа, на вершинѣ одной скалы. Я только могу сказать, что видѣлЪ ихЪ.

Далѣе находился по моей дорогѣ колодезь вЪ горѣ, и надобно было взбираться по каменному утесу между деревЪ на немЪ растущихЪ, и опять по другой сторонѣ спускаться вЪ низЪ по обломленной лѣстницѣ сЪ осьмидесятью ступенями, высѣчен-

ными изъ камня и скрытыми подъ сводами утеса. Чѣмъ далѣе проницаешь, тѣмъ болѣе свѣтъ теряется; слабой лучь дня едва проницаетъ сквозь нѣкоторое отверстїе. Мракъ, тишина и безмолвїе вездѣ царствуютъ. Проводникъ мой Татаринъ, покрытый потомъ, велъ, или лучше сказать, тащилъ меня за руку; онъ ослабѣлъ отъ чрезвычайныхъ усилїй; я самъ чувствовалъ силы мои истощенными. Прежде томилъ насъ солнечной зной; кровь воспалялась отъ жару, и потъ лился градомъ съ лицъ нашихъ. Теперь сырость мѣста застужала на лицѣ капли пота, и ужасной холодъ проливался въ разгоряченную внутренность. Наконецъ достигли мы до колодезя и

увидѣли зрѣлище, которое нравится своимъ ужасомъ. Изъ каменнаго фонтана, скрытаго въ стѣнѣ и едва примѣтнаго, низвергался быстрой ручей воды, разсыпалъ свои брызги и падалъ на помостъ съ ужаснымъ ревомъ, которой повторялся подъ сводомъ пещеры. Свѣжесть воздуха, шумъ и теченіе воды, мракъ уединенія, глухіе отзывы эха и дикой видъ мѣста составляютъ нѣчто ужасное и пріятное.

Всего болѣе должно здѣсь удивляться дѣлу и уму нужды. Генуезцы, пораженные на всемъ полуостровѣ (*) въ концѣ XI вѣка, и не имѣя убѣжища, скрыва-

(*) Смотри Часть первую сего Путешествія, страницу 411.

лись въ ущелинахъ горъ, обработывали горной камень, высѣкали себѣ пещеры, тайные храмы и даже колодези, чтобы не имѣть ни въ чемъ недостатка.

Въ дачѣ Г. Габлица, гдѣ пишу теперь, всходилъ я на одну высокую башню также Генуезской работы. Прекрасно стоять на сей вышинѣ и видѣть подъ ногами, какъ будто въ миньятурѣ, долину съ лѣсочками и кустарниками, съ лугами и долинами, подобными булавошной головкѣ, съ рѣчькой едва едва примѣтной въ низкомъ своемъ теченіи, но свѣтлой и изгибистой, такъ что глаза съ трудомъ могутъ слѣдовать за ея излучинами.

Башня круглая съ зубцами не имѣетъ ничего примѣ-

чательнаго. Но Габлицевы сады достойны вкуса того, кто описалъ намъ произведенія Крыма.

Отъ чего отмѣнно нравится сія дача Габлица? Отъ того, что нѣтъ въ ней никакихъ украшеній, кромѣ украшеній Природы; нѣтъ ни *Китайскихъ* бесѣдокъ, ни *Голландскихъ* домиковъ, ни подъемныхъ мостовъ, которыми утонченное искуство портитъ сельскую природу; нѣтъ даже и тѣхъ Аглинскихъ садовъ, гдѣ искуство, сближаясь съ натурой, осстается все еще — искуствомъ.

ПИСЬМО XC.

Инкерманъ.

Вообразите себѣ, что я гуляю по хребту каменной горы, изъ пещеры въ пещеру, изъ комнаты въ комнату, изъ церкви въ церковь и наконецъ по самому городу, построенному Генуезцами за нѣсколько сотъ лѣтъ передъ симъ, и котораго остатки могутъ служить вѣчнымъ памятникомъ всего, что можетъ творить сила человѣческой руки и разрушать сія самая сила.

Слѣдуйте за мною.

Смотрите, какъ искусно высѣченъ сводъ сей пещеры,

гдѣ все дышало нѣкогда жизнію, но гдѣ теперь царствуетъ опустѣніе, тишина и образъ смерти.

Загляните въ эту нишь, выработанную изъ камня легкою рукою. Вообразите себѣ, что человѣкъ, лишенный убѣжища, радъ былъ и сему жесткому подголовью, и не думайте, чтобы Генуезцы и въ семъ печальномъ заточеніи не нашли себѣ нѣкоторыхъ наслажденій въ жизни.

Отдохнемъ на этой изъ камня выдѣланной лавкѣ, на которой сидя горевали подобныя намъ существа, глядѣли на землю, какъ мы глядимъ на небо, и умоляли непріятелей, какъ Боговъ раздраженныхъ, чтобы они по-

щадили остатокъ ихъ народа.

Въ сихъ горестныхъ теремахъ тосковали можетъ быть чувствительныя красавицы безъ родителей, безъ семейства, одни въ уголкѣ міра и Природы. Другія красавицы раждались и умирали можетъ быть, не узнавъ имяни того чувства, которое тревожило ихъ сердце, не видавъ хорошо дневнаго свѣта, не восхищаясь никогда ни ароматомъ цвѣтовъ, ни прохладой ручейка, ни пѣснею соловья. Посвятимъ ихъ памяти вздохъ сострадания.

Какъ жаль, что сіи комнаты стоятъ безъ оконъ разоренныя и разломанныя! Забываешь, что они изъ камня и въ горѣ. Кажется, что

вЪ нихЪ обитаютЪ и теперь люди; такЪ все еще цѣло, и двери, и стѣны, и столы, и лавки.

Приближимся кЪ церкви. Она состоитЪ изЪ двухЪ придѣловЪ. Олтарь, на которомЪ лилась кровь невинныхЪ жертвЪ, приносимыхЪ суевѣрїемЪ, существуетЪ еще вЪ цѣлости. НадЪ нимЪ возвышается каменной крестЪ; вокругЪ купола видны древнїя барелїефы, и рука времени не могла еще загладить образовЪ, вырѣзанныхЪ на стѣнѣ рукою художника.

Что вижу я вЪ углу храма? кости мертвыхЪ, разбросанныя, непреданныя землѣ; лишенныя послѣдняго убѣжища. МожетЪ быть чувствительная душа дышала вЪ груди сего скелета, но

одинъ нечувствительной камень остался свидѣтелемъ бытія его. Сердце здѣсь не на мѣстѣ; удалимся.

Любопытство зоветъ меня на поверхность горы. Чувствую усталость, но вооружаюсь новою силою, и всхожу на верхъ.

Теперь попираю пресмыкающихся и насѣкомыхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ гордо блистали въ воздухѣ зданія Генуэзскаго города; гуляю по кучамъ камней; вижу отломки кровлей, остатки стѣнъ, пороги еще сохранившіеся и верхи башенъ, которыя стоятъ еще отчасти цѣлыя, какъ будто бы свидѣтельствуя о величествѣ города.

Не можно взирать безъ сердечнаго содроганія на сіи развалины.

Здѣсь щастливые завоеватели должны бы были устремить на часъ взоръ свой на образъ тѣхъ опустошенiй, которыми они покрываютъ землю.

Далѣе на другой сторонѣ горы простираются другiя пещеры; но я не могъ ихъ видѣть за тѣмъ, что онѣ заняты. Подивитесь превратностямъ вещей человѣческихъ! Въ сихъ пещерахъ, выработанныхъ искусною рукою Генуезцевъ, находятся нынѣ пороховые магазины, и стоятъ солдаты на караулѣ.

Оставляю театръ земныхъ превращенiй.

ПИСЬМО XCI.

Севастополь.

Въ Инкерманѣ сѣлъ я на Баркасъ съ однимъ изъ моихъ людей, чтобы плыть моремъ около трехъ верстъ до Ахтïара. Утро было ясно и тихо; солнце палило насъ; море прохлаждало. Мы скоро приближились къ славному Порту.

Возвышенной берегъ, прикасаясь къ морю, представляетъ городъ, или лучше сказать, висящую въ воздухѣ картину. Отъ краю берега, украшеннаго каменной пристанью, до конца горизонта, увѣнчаннаго вершиной пригорка, глаза текутъ по ве-

личественному амфитеатру; по рядамъ параллельныхъ улицъ, по нитямъ зданій, выше и выше съ берега возносящихся, и наконецъ обнимаютъ въ одной точкѣ зрѣнія сію блестящую громаду, которая, наполняя пространство между неба и моремъ, служитъ имъ соединеніемъ.

Въ семъ городѣ живетъ еще ЕКАТЕРИНА II. Она дышетъ въ каждомъ камнѣ. Я видѣлъ образъ Ея славы. Рожденіе Севастополя послѣдовало скоро за покореніемъ Таврическаго полуострова. Славная Царица Сѣвера захотѣла обновить щастливую Грецію, и городъ съ Греческимъ именемъ воспріялъ бытіе свое. Мудрость правленія привлекла тысячи ино-

странныхъ купцовъ, и торговля разцвѣла въ новомъ портѣ, подобно какъ она процвѣтала во время Грековъ во всей Тавридѣ. Такое превращенїе должно было служить прекраснымъ знаменїемъ, что скоро царство Грецїи возсїяетъ на землѣ.

Ахтїаръ возникъ изъ развалинъ Херсонеса; камни и мраморы, оставшїеся отъ сего древняго города, служили основанїемъ новаго. Одно упадаетъ, другое возвышается.

Городъ очень хорошъ; есть прекрасныя зданїя, многїе дома въ два этажа, и по большой части каменные; улицы регулярны, все показываетъ вкусъ ЕКАТЕРИНИНА вѣка; Рускихъ жителей довольно, но еще болѣе

чужестранныхЪ Коммерцїя душа города.

За два года передЪ симЪ была здѣсь, какЪ сказываютЪ, чрезвычайная живость; флотЪ стоялЪ вЪ морѣ; купеческїе корабли приставали отвсюду кЪ берегамЪ; но раздались военные громы, флотЪ удалился, и коммерцїя померкла.

Надлежало явиться кЪ знакомому мнѣ Господину Комменданту Ч***.

ПИСЬМО XCII.

ХерсонесЪ.

Еще новыя развалины!

Гдѣ цвѣтущїй ХерсонесЪ? гдѣ древнее его величество? гдѣ достопамятности сего города? НѣтЪ его; все исчезло; одно

нія сохранилось подъ пепломъ.

Ищу того мѣста, гдѣ великой Князь Владиміръ принялъ торжественно обрядъ крещенія отъ руки Греческаго Епископа, въ присутствіи многочисленнаго народа, и нахожу одинъ закладенной колодезь, которой показываютъ путешественникамъ.

Ищу тѣхъ ключей и тѣхъ трубъ, которые, по сказанію Историковъ, послужили къ покоренію Херсонеса, и вижу одни каналы засоренные землею.

Ищу церкви Св. Іакова, и не нахожу никакихъ слѣдовъ ея.

Какъ глубоко чувствовалъ я, когда разсматривалъ остатки города погребеннаго въ прахѣ; когда думалъ о

прежнемЪ его величествѣ; когда мысленно прохаживался между однихЪ безмолвныхЪ камней, гдѣ пастухЪ, сидя на обломкахЪ мраморнаго зданія, игралЪ на сельской свирѣли.

Облокотясь самЪ на мшистой камень, мечталЪ я о судьбѣ всѣхЪ вещей вЪ земномЪ мірѣ.

ВЪ развалинахЪ и разрушеніяхЪ гремитЪ краснорѣчивой гласЪ Природы для наставленія смертныхЪ.

ПИСЬМО XCIII.

Георгіевской монастырь.

Печальные, угнѣтенные судьбой! приходите сюда плакать и утѣшаться; щастливые любовники! приходите сюда питать восторги свои; святые пустынники! бесѣдуйте здѣсь съ Богомъ вашимъ.

Какое сладкое уединеніе! какъ величественно возносится сей утесъ надъ моремъ, шумящимъ у его подошвы! какъ мирно осѣняется тѣнями! Сія церковь, посвященная Богу и стоящая въ половинѣ горы, между столѣтними деревьями. Какой густой лѣсъ покрываетъ часть сей горы!

Я сижу на камнѣ; вѣтви зеленыя висятъ надо мною; передъ глазами моими реветъ море, и сердце мое сладко покоится на лонѣ Природы, какъ на груди милаго человѣка. Не въ семъ ли священномъ мѣстѣ случилось одно великое произшествїе, которымъ славится Таврида?

Храмъ, посвященной божеству, стоялъ уединенно на берегу моря. Молодая дѣва, украшенная природою, но осужденная судьбою, служила въ немъ жрицей. Сердце ея томилось въ одиночествѣ; вѣра не согрѣвала души ея, и глаза летѣли за море въ дальную сторону, гдѣ цвѣло ея отечество, какъ вдругъ два юноши, также гонимые судьбою, пристаютъ къ тѣмъ

самымЪ берегамЪ, на которыхЪ жила она печально.

Сіи юноши были два друга. Они слѣдовали уставамЪ рока, но не жаловались на суровость его; ибо дѣлили вмѣстѣ общее бѣдствіе; ибо на самомЪ уединенномЪ островѣ они могли любить другЪ друга; ибо вЪ самыхЪ дикихЪ пустыняхЪ есть свѣтлые олтари для Дружбы. Но не довольно было сего жребія. Другой нещастнѣйшій ожидалЪ ихЪ. ВЪ семЪ краю царствовалЪ одинЪ ТираннЪ, которой осуждалЪ на смерть перваго, кто ступалЪ на его землю. Можетъ быть самая смерть не привела бы ихЪ вЪ ужасЪ; но ТираннЪ повелѣлЪ принесть на жертву только одного изЪ нихЪ. ПриговорЪ произ-

весенъ — часъ казни приближается — и два друга — осладкое зрѣлище! спорятъ о долгѣ дружбы; разбираютъ законы добродѣтели; не хотятъ уступить одинъ другому права, погибнуть отъ руки злодѣя. Но нѣтъ, я ошибаюсь: каждой хотѣлъ лучше самъ остаться страдать въ мірѣ; нежели оставить послѣ себя страждущаго. Ахъ! Небо испытывало конечно ихъ добродѣтель. Спасеніе ожидало ихъ. Жрица, чувствительная жрица, которая должна была повелѣнію Тиранна приносить рукою своею жертвы человѣческія на олтарь божества, отсрочивала день казни подъ разными предлогами, узнала наконецъ въ одномъ изъ нихъ своего брата, и скрылась съ ними.

Вы давно угадали, что я говорю объ Ифигеніи, о Орестѣ и Пиладѣ.

Пусть любопытные и ученые ищутъ мѣста бывшаго Діанина храма; но мнѣ довольно знать, что рѣдкое торжество дружбы произходило на семъ полуостровѣ, и не далеко отъ сего берега.

ПИСЬМО XCIV.

Балаклава.

Сей портъ, извѣстной въ древности подъ именемъ Симболя, гдѣ, говоритъ Страбонъ (*), было убѣжище раз-

(*) Не имѣя на сей разъ ни Страбона, ни Саллюстія въ подлинникѣ, слѣдую Французскому пере-

бойниковЪ Таврїйскаго народа, представляетЪ, кажется, образЪ ихЪ вертепа. Натура окружила неприступными скалами одинЪ узкой заливЪ Чернаго моря, и скрыла его со всѣхЪ сторонЪ.

На одной изЪ сихЪ скалЪ видны остатки Генуезской крѣпости, которая владычествовала надЪ природой, подобно какЪ сей народЪ владычествовалЪ на моряхЪ.

Нынѣшняя Балаклава состоитЪ изЪ гарнизона Арнаутовъ или АлбанцевЪ (*), которые переселились изЪ Ве-

---

волчику сего послѣдняго, которой, говоря о Крымѣ, ссылается вЪ семЪ мѣстѣ на книгу VII Страбона. Смотри: Hist. de la Rop. Rom. tradiut par ch: de brosses in 4 Tome II.

(*) Смотри вЪ Encyclopedie слово: arnautes:

нецїанскаго залива въ Архипелагъ, и наконецъ пристали къ нашей Державѣ во время послѣдней войны съ Турками.

Ничего любопытнаго не представлялось мнѣ въ семъ мѣстѣ. Я сѣлъ на шлюпку съ однимъ Арнаутомъ и поплылъ. Въ нѣсколько минутъ выплыли мы изъ залива въ открытое море. Увидя себя въ легкой лодкѣ посреди бурной стихїи, на влажной, необозримой равнинѣ, почувствовалъ я невольной ужасъ. Гребецъ мой, смѣясь надъ моимъ страхомъ, далъ мнѣ замѣтить, что глубина не велика въ семъ мѣстѣ, и что иначе онъ самъ не отважился бы плыть далѣе на лодкѣ. Мы проплыли еще мимо горъ на нѣсколько саженъ, держась все берега, погладѣ-

ли на дикіе утесы, которые съ моря казались еще дичѣе, и возвратились въ гавань.

Вотъ все, что имѣлъ я сказать вамъ о нѣсколькихъ минутахъ, проведенныхъ мною въ Балаклавѣ.

ПИСЬМО XCV.

На горахъ.

Наконецъ странствую я по Таврическимъ Алпамъ, надъ Черным моремъ, по Южному берегу полуострова, на конѣ, какъ рыцарь, съ однимъ изъ людей моихъ, которой служитъ мнѣ кравцемъ, съ переводчикомъ Грекомъ и однимъ Татариномъ.

Мнѣ кажется, что я принялъ новое бытїе и вижу себя въ новомъ мїрѣ.

Каждой шагъ являетъ мнѣ неожиданное зрѣлище, и каждой взоръ передаетъ сердцу новое и живое впечатлѣнїе. Иногда узкая тропинка ведетъ насъ по камнямъ; скалы виcятъ надъ головою;

бездны разверзаются подъ ногами; за безднами шумитъ море, котораго волны съ пѣною разбиваются о подошвы утесовъ, и перерываютъ на часъ вѣчное молчанїе того мѣста. Все дико и мертво въ сихъ пустыняхъ творенїя; не слышно поющихъ птичекъ; не видно зеленыхъ лѣсовъ; одинъ голосъ дикихъ орловъ (*) повторяется въ звучныхъ пещерахъ. Я простаиваю часто нѣсколько часовъ на одномъ мѣстѣ, останавливаясь на немъ глазами и сердцемъ, внимая въ тишинѣ ревущему морю, погружаясь взоромъ во глубину бездны, а мыслями въ сокровенности

(*) См. далѣе письмо CXIX, примѣчанїе VI.

природы, наблюдая попеременно дѣйствїе ея и движенїе сердца. Сїе безмолвїе, сїе вѣчное уединенїе, сїи дикїя пустыни возбуждаютъ во мнѣ, не знаю какой-то сладкой ужасъ, которой будетъ долго колебать мою душу даже и въ то время, какъ я буду вспоминать объ немъ подъ тихой моей кровлей въ нѣдрахъ кроткаго семейства, тамъ, гдѣ нѣтъ ни бури, ни шума, ни ужасовъ.

Иногда сїи дикїя горы разсѣкаются долинами, гдѣ самъ богъ нѣжности сыплетъ, кажется, легкой рукой своей цвѣты красивые и ковры зеленые. Восхитительное разнообразїе удивляетъ глаза и сердце. Вверху всѣ ужасы, внизу всѣ прїятности. Цвѣтущая долина блеститъ ты-

сячами украшеній подъ сѣдыми покровами скалъ; тихіе ручейки струятся вблизи бурнаго моря; птички, прятавшись въ густыхъ рощицахъ, поютъ нѣжныя пѣсни подъ тѣмъ самымъ деревомъ, надъ которымъ возвышается грозная скала, и гдѣ сидитъ уныло печальный папатуй (*), ожидая ночи, пробуждающей страшной вопль его.

Иногда открываются хижины, разсѣянныя по косогору или по долинѣ. Тамъ добродѣтель, скромность и свобода сохранили еще олтарь свой на землѣ; тамъ Скифскія женщины умѣютъ еще подъ *ревнивымъ* покровомъ воспалять воображеніе; тамъ

(*) См. то же письмо, прим. VII.

наконецЪ утомленный путешественникЪ наслаждается сладкимЪ гостепрiимствомЪ.

Прибавьте кЪ сему тысячи другихЪ удовольствiй: перемѣны воздуха вЪ горахЪ и вЪ долинахЪ, приливЪ и отливЪ свѣта сЪ тѣнью, игра лучей солнечныхЪ вЪ кристальныхЪ водопадахЪ и во глубинѣ лазуреваго моря, восхожденiе и закатЪ дневнаго свѣтила, живость утра, безмолвiе вечера; вообразите удовольствiе встрѣчать на каждомЪ шагѣ новые предметы: необыкновенныхЪ птицЪ, неизвѣстныя растѣнiя, представьте себѣ всѣ сiи впечатлѣнiя, такЪ слабо мною описанныя, и вы повѣрите может быть, что я стою часто неподвижно на-

одномъ мѣстѣ, забывая самого себя, чувствуя нѣчто такое, что очаровываетъ, трогаетъ, изумляетъ меня, подобно Ренальду въ саду Армиды.

Сердце мое такъ полно, что оно требовало пера, чтобы передать бумагѣ нѣкоторыя впечатлѣнія, и облегчить свою тяжесть. Слова лились на бумагу сами собою; ибо я не могъ отдавать себѣ отчета въ тѣхъ безчисленныхъ чувствахъ, которыя тѣснились подъ перомъ моимъ. Но теперь сбросивъ первую тягость, обѣщаюсь итти тихими шагами, описывать не всѣ предметы вдругъ, но каждой особенно, и сообщать вамъ понятія о мѣстахъ и о ихъ дѣйстві-

яхъ, по мѣрѣ того, какъ они мнѣ представляться будутъ.

ПИСЬМО XCVI.

Байдарская долина.

Дорога къ ней прекрасна.

Она ведетъ уже путешественника не по кремнистымъ скаламъ, но по горѣ, покрытой рощами, самыми зелеными, самыми цвѣтущими между прелестныхъ кустарниковъ, сквозь деревья виноградныя, гранатовыя, яблоцнныя, фиговыя; черезъ густые лѣсочки, которые иногда перерываются, уступаютъ мѣсто равнинамъ и снова скрываютъ путеше-

ственника подъ своими тѣнями; она ведетъ васъ излучинами изъ пригорка въ пригорокъ, изъ лабиринта въ лабиринтъ, и являетъ взору иногда темную бесѣдку, подобно Гнидїйскому храму, гдѣ птички поютъ хорами гимны любви и нѣжности; иногда отдаленной холмикъ съ пасущимся стадомъ, напоминающимъ о сельскомъ щастїи; иногда уединенный цвѣтникъ, украшенной Натурой лучше всякаго искуства, и наконецъ она приводитъ васъ къ прекрасной Байдарской долинѣ.

Какъ горы, усѣянныя частымъ лѣсомъ, хорошо вѣнчаютъ долину, и какъ долина въ свою очередь украшаетъ пространство между горъ; какъ улыбается передъ

глазами и сердцемъ живописной ландшафтъ! Тамъ чистой бархатной лугъ, и посреди его селенie; тутъ тысяча и тысяча хижинъ, разсѣянныхъ въ щастливомъ безпорядкѣ; вокругъ ихъ зеленые сады; далѣе величественные тополы, цвѣтущie отъ мѣста до мѣста; и посреди сей прекрасной зелени, между нѣжныхъ луговъ, разостланныхъ коврами, какъ будто бы изъ скрытой урны вытекаетъ вдругъ блестящая рѣчка, скрывается въ отдаленности, и снова играть является въ лазуревыхъ струяхъ своихъ по изумруду береговъ и долины.

Взгляните, какъ живость, я едва не сказалъ душа сего ландшафта, сообщается вашей душѣ и воображенiю,

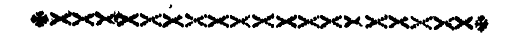
оживляетъ любезнѣйшія мечты фантазіи, и подаетъ, кажется, вамъ кисть, чтобы вы рисовали.

Не правда ли, что человѣкъ находится здѣсь щастливъ? Я спрашиваю; ибо мнѣ кажется, что вы видите сіе мѣсто вмѣстѣ со мною.

Байдарская долина есть долина любви и нѣжности.

Ночь застала меня на ней; взошелъ мѣсяцъ, и я нѣсколько разъ вздохнулъ изъ глубины сердца, ибо оно было очень полно.

Чувство восторга и радости имѣетъ свою тяжесть.



ПИСЬМО XCVII.

Кучукъ - Кой.

Приближаюсь, и утреннее солнце освѣщаетъ въ глазахъ моихъ развалины горъ, рядомъ съ Татарскимъ селенїемъ на берегу моря.

Не одна Италїя поражаетъ взоры человѣческїе картиной чрезвычайныхъ разрушенїй въ природѣ; не въ одной Италїи существуютъ Геркуланумы и Помпеи: въ самомъ Крыму есть памятники тѣхъ потрясенїй, которыя перемѣняютъ иногда лице земли и народовъ.

Взглянитте на Кучукъ - Кой, и выслушайте анекдотъ.

Семейства Татаръ жили нѣсколько лѣтъ, и можетъ быть нѣсколько вѣковъ у подошвы сего утеса. Поколѣнія раждались, поколѣнія изчезали, и новыя оставались жить съ довѣренностію подъ незыблемыми истолпами Натуры. Но за тридцать лѣтъ передъ симъ, въ то время, когда юноши простирали воображеніе свое къ щастливѣйшей эпохѣ жизни, а старцы къ улыбкѣ внучатъ своихъ, грозно потрясаются основанія земли, горы трещатъ, скалы обрушаются, камни катятся на кровли хижинъ, громъ паденія мѣшается съ воплемъ погибающихъ, и въ одну минуту часть природы, часть человѣчества сокрываются во прахѣ; но въ другую послѣ-

довавшую минуту буря утихла, умолкъ стонъ умирающихъ, и однѣ руины легли на поверхность земли.

Я заглянулъ во внутренность развалинъ сквозь ущелины камней въ оставшіяся отверстія, и подумалъ: можетъ быть вздохъ какой нибудь нѣжной красавицы, летѣвшій еще только изъ сердца ея на встрѣчу другаго симпатическаго вздоха, перехваченъ былъ въ одно время съ дыханіемъ милаго ей человѣка внезапнымъ ударомъ смерти; можетъ быть какой нибудь добродѣтельной Еней выносилъ на рукахъ добраго отца или нѣжную мать со всѣми усиліями сыновней горячности, которая однакожь не могла смягчить жестокость рока; можетъ быть

новые Низіи и Евріалы, обнявъ другъ друга и взявшись за руку, ожидали вмѣстѣ послѣдняго конца жизни, и пали жертвами рока съ утѣшительной мыслїю, что самая смерть не могла разлучить ихъ.

Повѣрите ли? Спасшїеся отъ потрясенія поселились опять подъ сими горами у самыхъ тѣхъ развалинъ, подъ которыми погребены остатки людей, любезныхъ для ихъ сердца.

Кучукъ-Кой стоитъ посреди луга и цвѣтовъ, между моря, которое свирѣпо реветъ у ногъ его, и утеса, которой еще грозитъ паденіемъ надъ его головою.

Впечатлѣніе сего мѣста есть нѣчто разительное. Вы радуетесь зеленью и цвѣта-

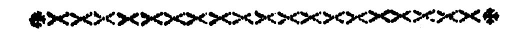
ми, содрогаетесь въ тоже время отъ зїяющихъ пропастей, и видитесъ удивленїемъ жителей, гуляющихъ безъ трепета по безднамъ.

Въ семъ самомъ мѣстѣ, подъ шумомъ моря, на верху одного изъ Татарскихъ домовъ, которыхъ кровли служатъ террасою, отдыхалъ я между добрыхъ Татаръ. Они сидѣли вокругъ меня, куря трубки свои; я разговаривалъ съ ними. Все вокругъ насъ было просто и тихо, кромѣ одной величественной Природы. Мнѣ казалось, что Богъ вселенныя улыбался въ сїю минуту на мирную бесѣду чадъ своихъ.

Прощаюсь съ Кучукъ-Коемъ, желаю отъ сердца щастїя добрымъ Татарамъ и столь же добрымъ путеше-

ственникамъ, которые послѣ меня будутъ здѣсь бесѣдовать съ поселянами; и радуюсь мыслїю, что можетъ быть какой нибудь странникъ, посѣщая сїе мѣсто, благословитъ въ свою очередь мое имя и память.

Щастливъ, щастливъ буду я, естьли мое слабое описанїе привлечетъ сюда хотя одного изъ любезныхъ моихъ соотечественниковъ, и заставитъ ихъ увѣриться на опытѣ, что отечество наше имѣетъ свои предметы, достойные наблюденiя.



ПИСЬМО XCVIII.

Алупка.

Продолженїе моего пути отъ Кучукъ-Коя до Алупки было для меня очень занимательно.

Черныя, безплодныя и высокїя скалы, по которымъ мы пробирались, необозримая и влажная равнина моря, близкїя къ намъ облака, подъ которыми мы, казалось, висѣли надъ землею, были единственными, но величественными предметами глазъ нашихъ. Слѣдуя по одной узенькой дорожкѣ, то изъ горы въ гору, то съ горы подъ гору, приближились мы къ тому мѣсту, гдѣ цѣпь горъ

на минуту пресѣкается, гдѣ луговая тропинка ведетъ черезъ долины по берегу рѣчки, между плодовитыхъ уединенныхъ садовъ, гдѣ цвѣтутъ груши, яблоки и шелковицы. Мѣста были прекрасныя, небо чисто и ясно, и мы, срывая плоды висящiе на деревьяхъ, освѣжались ими.

Явленiе садовъ было знакомъ близкаго селенiя. Въ самомъ дѣлѣ скоро показалась красивая деревня Симеусъ на долинѣ съ оливами и лаврами. Сiе прiятное убѣжище было мѣстомъ моего отдохновенiя.

Я сѣлъ въ тѣни одного масличнаго дерева, вспомнилъ, что богатое воображенiе Грековъ приписывало

рожденіе сего дерева богинѣ мудрости, прочелъ басню Овидія, благословилъ память Минервы; даръ ея мудрости и талантъ пѣснопѣвца, обратился мыслію къ народамъ, украшеннымъ лаврами побѣды и лишеннымъ оливовъ мира; молилъ Провидѣніе, чтобы Оно примирило враждующее человѣчество, и подъ яснымъ небомъ въ нѣдрахъ кроткой Природы мечталъ о буряхъ нравственнаго міра, гдѣ нѣкогда можетъ быть возсіяютъ дни красные. Не безъ прискорбія разстался я съ Симеусомъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, селеніе Кикенеисъ, на отлогѣ дикаго утеса и съ зеленѣющими садами, достойно кисти живописца.

Далѣе встрѣчались мнѣ новые ужасы и новыя красоты. Между Лимена и Алупкой взглянулъ я на одинъ утесъ, повислой надъ моремъ, всечасно подмываемой волнами и распадающійся при каждомъ дождѣ, такъ что многіе камни, отдѣлясь отъ ближней скалы, разсыпаются, какъ рыхлой песокъ подъ ногами. Я взглянулъ на него; ибо недостанетъ никакой душевной твердости, чтобы долго разсматривать сіе мѣсто ужаса. Я взглянулъ, и буду вѣчно помнить этотъ взглядъ, и буду всегда видѣть передъ моимъ воображеніемъ стоящую гору.

За симъ мѣстомъ Урьянда есть образецъ для ландшафтовъ.

Прекрасна Урьянда, но Алупка еще прекраснѣе. Это живопись и поэзія. Все цвѣтетъ и все рисуется. Въ одномъ мѣстѣ гордятся величественные лавры, въ другомъ смиряются печальные кипарисы; индѣ блестятъ излучины рѣчки, индѣ темнѣютъ лѣсочки и кустарнички. Въ горахъ высѣчены Татарскія жилища, до половины скрытыя подъ зеленью садовъ; на холмахъ пасутся стада, пастухи играютъ на свирѣляхъ, и поселяне за веселыми пѣснями работаютъ. Вы видите, кажется, картину Албановой кисти, и щастливой вѣкъ міра воспѣтой Овидіемъ.

ПИСЬМО XCIX.

Агутка.

Глухой шумъ, подобно отдаленному грому, прикасается къ слуху, раздается по воздуху и несется съ звучнымъ эхомъ. Долина, какъ будто внимая сему грому, пребываетъ въ священной тишинѣ. Чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ слышнѣе громъ, за громомъ ревъ, за ревомъ удары и наконецъ. . . гремящая каскада Акаръ-Су.

Съ каменистой горы, около 150 саженъ вышины, низвергается быстрой потокъ, ударяется объ каменные своды, катится ручьями съ камня на камень, съ угла

скалы на уголъ, разсыпая блестящія брызги, играя въ разноцвѣтныхъ радугахъ, и наконецъ съ кипѣніемъ, съ пѣною, съ новымъ шумомъ разбиваясь въ паденіи своемъ на тысячу мѣлкихъ ручьевъ, которые орошаютъ землю и дѣлятся на разные рукава, чтобы бѣжать по лугу и струиться по камешкамъ.

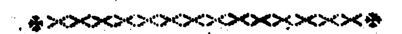
Ярость потока, котораго движеніе никогда не утихаетъ, и котораго громъ ни день ни ночь не умолкаетъ въ долинѣ; грозное и величественное паденіе водъ, игра водяныхъ капель и лучей солнечныхъ; дикая угрюмость скалы, покрытой мхомъ и плѣснью; удаленіе птицъ, которыхъ не видно полета и не слышно пѣсней, зрѣлище

величественное и разительное; таковъ водопадъ Акаръ-Су.

Стою въ долинѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него; водяная пыль, подобно мѣлкому дождю, орошаетъ меня; съ одной стороны разстилается по горамъ кудрявой и зеленой лѣсъ; съ другой осѣняетъ меня сосновая роща; въ ногахъ моихъ по прекрасному лугу тихо бѣжитъ тотъ самой ручей, которой грозно съ утеса проливается; за ручьемъ стоитъ селенїе Агутка на цвѣтущей равнинѣ, и цѣпь горъ вѣнчаетъ сїю картину.

Эта долина, этотъ водопадъ, это небо и земля ожидаютъ кисти Поэта или Живописца.

Я ошибаюсь. Одинъ великой Поэтъ воспѣлъ его. Гребеневской ключь гремитъ, сїяетъ и льется, какъ водопадъ Акаръ-Су.



ПИСЬМО C.

Ялта.

Утренняя заря едва освѣщала предметы, когда я приближился къ Ялтѣ.

Трудной переходъ мой по каменистымъ горамъ кончился на часъ съ ночною темнотой; забѣлѣлся утреннїй свѣтъ, и горы опустились легкимъ скатомъ къ лугамъ низко разостланнымъ; но туманной покровъ висѣлъ еще надъ долиной. Онъ раздѣлял-

ся мало по малу отъ разлїянія свѣта; предметы становились яснѣе; видны были вдали высокїе меспили, виноградные сады, холмы, хижины и море; наконецъ запылало солнце на восточномъ небѣ, и приближило къ глазамъ моимъ картину во всемъ блескѣ, во всей красотѣ ея.

Я не смѣлъ дышать въ сїю минуту, наблюдая красоты мѣста и движенїе моего сердца. Все молчало, кромѣ птичекъ и ручейковъ; казалось, что Природа, красуясь въ тишинѣ и безмолвїи, остановляла на часъ свое теченїе, чтобы лучше собой любоваться.

Съ перомъ и бумагой въ рукѣ, вдохновенный мѣстомъ и утромъ, останавливаюсь

невольнымЪ образомЪ надЪ струями двухЪ рѣчекЪ, которыхЪ излучины пробѣгаютЪ между сельскихЪ хижинЪ; которыхЪ берега, усѣянные кустарниками, покоютЪ вЪ тѣни ихЪ стада, и которыя опушаются нѣжной луговой травой.

ЛандшафтЪ представляетЪ селенiе, свѣжiе цвѣты, зеленой лугЪ, плоды зрѣющiе на орѣшникахЪ, шиповные кусты алѣющiе близЪ виноградныхЪ кистей, и величественныя каркасы стоящiя вЪ воздухѣ на долинѣ подЪ тѣнью утеса. СЪ одной стороны необозримое море, а сЪ другой хребетЪ пространныхЪ горЪ обрисовываютЪ долину самымЪ величественнѣйшимЪ образомЪ.

Между тѣмъ ожидалъ меня на травѣ легкой обѣдъ. Свѣжее молоко, сочные плоды, питательной хлѣбъ были готовы; надъ ними вѣялъ прохладной вѣтерокъ, передъ глазами волновалась морская равнина.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ, молодая Татарка выглядывала изъ окна хижины съ кроткой улыбкой; пряталась, когда глаза мои встрѣчались съ ея глазами, и черезъ минуту снова показывала мнѣ милое лице, бѣлорумяныя щеки и розовыя губы. Мнѣ пріятно было видѣть вмѣстѣ красавицу и Природу.

Пришли добрые Татары, окружили меня и заняли разговоромъ.

Не скоро разстался я съ несравненной Ялтой.

ПИСЬМО CI.

Гора Аюдагъ.

Что шагъ, то новая сцена; что взглядъ, то новая оттѣнка; что мѣсто, то восхищенїе или ужасъ.

Скрылись красоты Ялтовской долины, изчезли мѣста прелестныя, и вмѣсто того представилась одна дикая картина горы устланной каменными слоями, омываемой моремъ и осѣненной облаками.

Тамъ во время Генуезцевъ священный храмъ молитвы возникнувъ изъ рукъ смертнаго, прикасался нѣкогда къ предѣламъ Вышняго;

тамъ гремѣла хвала Богу въ устахъ человѣка, подъ сводомъ небеснымъ; тамъ напослѣдокъ умолкъ голосъ Богопоклоненія; олтарь сокрылся во прахѣ, и то солнце, которое въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ освѣщало украшенія храма, застало наконецъ одинъ угасающій блескъ его, печальныя развалины и блѣдную тѣнь человѣчества.

Не можно безъ сердечнаго содроганія приближиться къ сему святилищу древности! Гдѣ ни ступишь, камень лежитъ на камнѣ, и высокая трава заграждаетъ путь. Куда ни взглянешь, вездѣ пустота и безмолвіе; одинъ горизонтъ разливается вокругъ васъ; нигдѣ нѣтъ жизни. На самой вершинѣ горы лежатъ двѣ мраморныя

колонны: одинъ остатокъ существовавшаго храма.

Видъ, которой открывается съ трехъ сторонъ горы, являетъ нѣчто ужасное. Вдали видѣнъ Пароенитской мысъ, выдавшійся въ море, изрытой глыбами и повислой съ горою надъ ревущею пучиною. На скалѣ возвышается огромная башня, откуда, по преданію Историковъ, Фоасъ, древній Таврической Царь, низвергалъ всѣхъ иноплеменныхъ въ бездну морскую. Видъ, открывающійся съ лѣвой стороны, производитъ противныя впечатлѣнія. Стоя на верху утеса, видишь у подошвы его подъ ногами своими, подобно какъ въ самой мѣлкой живописи, деревню Пароенитъ съ ея прелестною долиною, съ ея богатыми садами подъ

вѣнцемъ лавръ и оливовъ: щастливая эмблема благоденствія и мира, которымъ въ самомъ дѣлѣ наслаждается сей уголокъ земли!

Сей щастливой видъ провождаетъ васъ съ горы въ долину, и дѣлается тѣмъ восхитительнѣе, что по прежней дорогѣ, которая приводитъ на верхъ утеса, не видно ничего, кромѣ безпорядка и ужаса. Тутъ всѣ ужасы изчезаютъ въ памяти; бездны и камни не устрашаютъ того, кто видитъ за ними луга, деревни и мирныхъ жителей. Улыбка долины, маня путешественника къ сладкому отдохновенію, сокращаетъ для него время и безпокойство дороги.

Я не достигъ еще до подошвы горы, когда солнце закатилось за горизонтъ; горы одѣлись мрачнымъ покровомъ; завѣса покрыла Пареенитъ; смерклось, но засвѣтился огонекъ въ хижинахъ; лучи разсѣкли темноту, и воображенїе мое, представивъ себѣ прїятность вечера между мирными Татарами, передъ огнемъ камина (*) и на мягкихъ ихъ диванахъ, заставило меня приближиться съ живѣйшимъ чувствомъ радости.

Гостепрїимные поселяне, увѣдомленные слухомъ о путешественникѣ, ожидали меня у подошвы горы, удивля-

(*) У Татаръ нѣтъ печей. Вездѣ камины. Доказательство ихъ щастливаго климата.

лись, что Русской Господинъ странствуетъ по горамъ и пропастямъ, тамъ, куда послѣднїе изъ Татаръ, какъ говорили они, никогда не заглядываютъ, и съ душевнымъ соучастїемъ въ судьбѣ моей проводили меня въ одну изъ лучшихъ своихъ хижинъ, гдѣ насладился я неоцѣненнымъ покоемъ.

ПИСЬМО CII.

Паревнитъ.

Ахъ! да будутъ всегда такъ сладки чувства мои! да будетъ всегда такъ покойно мое сердце! да буду всегда такъ въ чистотѣ совѣсти своей, довольный самимъ со-

бою, готовый предстать передЪ верховнаго Судїю, засыпать тихо сЪ вечернею Природой, чтобы просыпаться на другой день покойно, какЪ весеннее утро; ясно, какЪ утреннее небо; весело, какЪ птички на зарѣ поющїя. ВЪ такомЪ состоянїи былЪ я, когда на завтре открылЪ глаза мои и увидѣлЪ свѣтЪ. Все питало щастливое разположенїе души моей, и беззаботливость о текущемЪ днѣ, и безмятежное чувство сердца, и прелестной видЪ долины.

СѣдойстарикЪ, которой одинЪ оставался вЪ хижинѣ вЪ часЪ моего пробужденїя, встрѣтилЪ меня привѣтствїемЪ, и далЪ мнѣ замѣтить сЪ улыбкой, какЪ прекрасные сады ихЪ разцвѣ-

тали отъ утренняго свѣта. Я спѣшилъ вмѣстѣ съ старикомъ дышать чистымъ воздухомъ.

Первой шагъ за порогъ хижины доставилъ мнѣ восхитительнѣйшій взглядъ. Лучи восходящаго солнца, перехваченные стѣною каменныхъ горъ, бросали сквозь углы ихъ одинъ мерцающій блескъ; тѣни переливались по зелени; долина, частію освѣщенная, а частію скрытая въ темнотѣ, являла прекраснѣйшую игру цвѣтовъ и красокъ. Деревня съ Татарскими домами, пускающими бѣлое облако дыма сквозь густую зелень деревъ, величалась какъ Царица между горъ, служащихъ ей вѣнцемъ, между моря, приносящаго къ ногамъ ея дань

водъ своихъ, и между раинъ гранатовъ, соснъ и многихъ другихъ деревъ, препоясывающихъ ее въ образѣ прекрасныхъ гирляндъ.

Въ лѣсочкѣ паслось стадо; у порога ближней хижины рѣзвились прекрасные ребятишки; не подалеку отъ нихъ сидѣлъ въ тѣни сѣдой старикъ и разговаривалъ со мною: „это любимое мое дерево, подъ которымъ выросъ я; это внучата мои, которые выцвѣли передъ моими глазами; это милая отчизна моя, гдѣ я переживу еще самаго себя въ памяти всего, что меня любитъ и что люблю я.„

Я прогулялъ весь день по берегу моря, проводилъ

солнце за горы, и встрѣтилъ съ новой душевной ясностью сумрачную темноту ночи.

ПИСЬМО CII.

Темирджи.

Отъ Парѳенита до сего мѣста новые ужасы слѣдуютъ за путешественникомъ.

За Парѳенитскимъ селенiемъ, предметомъ глазъ моихъ, была мертвая Природа; каменныя горы, высунувшiяся въ море, стояли въ пустынномъ безмолвiи; трава потеряла зеленой цвѣтъ свой; утесы подмываемые волнами треснули въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и груды камней засыпали берегъ. Между сими безобразными пропастьми, ме-

жду разсѣлинами горъ, между моря и скалъ течетъ по горѣ слабая тропинка, которая колеблется подъ ногами, и на которую лошадь едва смѣетъ опираться.

Слѣдуя по сей дорожкѣ, приближились мы къ обрушившейся горѣ Костель.

Паденiе ея было, какъ можно видѣть, одно изъ ужаснѣйшихъ разрушенiй въ Природѣ; небо и земля должны были трепетать, когда сiя громада, прикасавшаяся къ облакамъ, обрушилась до земли; кажется, что она еще стремится къ низверженiю, и что предметы ея окружающiе соблюдаютъ безмолвiе отъ страха и ожиданiя.

На семъ театрѣ ужасъ остановился я на часъ.

Солнце было близко къ западу; блескъ лучей его угасалъ на черныхъ покровахъ горъ и на подвижномъ кристаллѣ моря; тѣни сгущались въ воздухѣ. Мертвая тишина, угрюмыя окрестности, руины Костеля, все являло страшную минуту въ жизни Природы. Такіе феномены родятъ въ человѣкѣ совсѣмъ новыя, непонятныя и до того неизвѣстныя движенія.

Деревня Алушта, пріятное мѣстечко, перерываетъ на часъ сіи страшныя мѣста, но далѣе онѣ возобновляются.

Ночь застала насъ на дорогѣ. Впечатлѣніе мрака, посреди пустыни, уединенія и тишины, было свыше вся-

каго выраженія. Черныя горы казались воображенію безобразными чудовищами; ревущее море — адскимъ стономъ; безмолвіе ночи — царствомъ смерти; нигдѣ не было ни искры свѣта, ни уголка обитаемаго; слѣдъ дороги скрывался, и мы были одни. Сего не довольно. Проводникъ нашъ останавлялся отъ минуты до минуты — оглядывался вокругъ себя — молчалъ — приводилъ насъ въ сомнѣніе — и наконецъ признался намъ, что мы сбились съ дороги. Надлежало разстаться ему съ переводчикомъ, чтобы искать дороги, и намъ ожидать его.

Мы остались двое, мой человѣкъ и я, подъ открытымъ небомъ въ самую тем-

ную ночь, посреди скалЪ и утесовЪ, гдѣ нѣтЪ никакого убѣжища. Все было такЪ мрачно, что мы не могли разглядѣть другЪ друга вЪ лице; все было такЪ тихо, что можно было слышать, кажется, біеніе пульса. Признаюсь, что вЪ сію минуту думалЪ я: и обЪ томЪ, что мы можемЪ сдѣлаться жертвами хищныхЪ звѣрей (*), что, какЪ не угодно говорить ПоэтамЪ, зефирЪ, вѣющій на сихЪ щастливыхЪ берегахЪ, не принесЪ бы вѣсточки обЪ насЪ кЪ милымЪ друзьямЪ сердца, и что не скоро, очень не скоро они бросили бЪ цвѣтокЪ на

(*) Видно, что ПутешественникЪ нашЪ не зналЪ тогда, что во всемЪ Крыму нѣтЪ хищныхЪ звѣрей.

Примѣч. Изд.

гробъ нещастныхъ странниковъ; но благодаря славные примѣры, вооружался я твердостью и разсказывалъ моему сотоварищу о Вальянѣ, которой въ Африканскихъ степяхъ сражался для безсмертія, и о Плиніѣ, которой сдѣлался славной жертвой изверженія Везувія. Человѣкъ мой, слишкомъ гордой, чтобы слѣдовать чужому уму, молчалъ, когда я ободрялъ его именемъ великихъ людей и примѣромъ славныхъ дѣлъ; не утѣшался надеждой безсмертія и, что покажется очень основательно, не вѣрилъ ничему. Нѣсколько часовъ томились мы въ неизвѣстности; нѣсколько разъ почитали проводника нашего погибшимъ, и хотѣли, предавшись Небесной

волѣ, ожидать на горахъ утренней зари, какъ вдругъ изъ глубокой отдаленности, сквозь мракъ ночи, блеснулъ яркой лучь огня. Сей лучь былъ для насъ лучемъ радости и надежды. Мы спѣшили къ нему. Проводникъ, встрѣтившись съ нами, проводилъ насъ до селенія Темирджи, гдѣ былъ пріятной ночлегъ нашъ.

На другой день осмотрѣвъ мѣстечко Темирджи, прелестное и нѣжное, подобно своему имяни, слѣдовали мы къ Судаку по самому берегу моря, орошаемые брызгами волнъ, оглушенные ревомъ ихъ и восхищенные картиной волнующейся равнины.

ПИСЬМО CIV.

Судакъ.

Вообразите равнину, которая занимаетъ такое пространство, что одинъ взглядъ обнять его не можетъ; и на семъ самомъ пространствѣ одинъ садъ, которой въ самомъ дѣлѣ заключаетъ въ своей величественной окружности тысяча и тысяча виноградныхъ садовъ, которые переплетаются еще въ тысяча и тысяча вѣтвяхъ, несущихъ на себѣ миллiоны виноградныхъ кистей съ висящими плодами. Представьте себѣ густѣйшую зелень, переливъ ея изъ тѣни въ свѣтъ, изъ свѣта въ тѣнь,

кудрявость деревъ и множество садовъ, сливающихся въ одну точку зрѣнія; представьте себѣ притомъ нѣсколько домиковъ, выглядывающихъ сквозь густую зелень, куда хозяевы удаляются съ семействами на лѣто, и гдѣ нѣжныя красавицы красуются вмѣстѣ съ садами своими, одѣваются просто, подобно Природѣ, и живутъ тихо, какъ въ поляхъ пастушки; представьте себѣ очарованіе новаго Алцинoева сада, дѣйствіе Природы на чувствительную душу, и допишите сами картину.

Не всегда перемѣны земныя бываютъ такъ щастливы, какъ была щастлива перемѣна Судака. Не далеко отсюда, въ древности существовалъ городъ сего имяни,

но городъ изчезъ. На семъ мѣстѣ родились сады; богатыя украшенія Природы разцвѣли на мѣсто богатыхъ украшеній искусства; сады виноградные улыбнулись пріятнѣе великолѣпныхъ домовъ; за шумомъ, роскошью и скукой послѣдовала тишина, простота и удовольствіе.

Дворецъ, недавно построенный между сими садами, не нравится глазамъ путешественника, которой хочетъ видѣть здѣсь одно величество Природы.

Мое убѣжище было въ домикѣ Г. Палласа, которой имѣетъ здѣсь свой садъ и оранжереи. Гостепріимство въ самомъ отсутствіи хозяина встрѣтило меня

всемъ щастливомъ уединенiи. Садовникъ поднесъ мнѣ абрикосовъ, персиковъ, вишенъ, грушъ (виноградъ не поспѣлъ еще); однакожъ мнѣ жалко было, что ихъ сорвали. Плоды такъ украшали деревья, что мнѣ лучше хотѣлось, чтобъ они цвѣли въ глазахъ моихъ, нежели услаждали вкусъ мой.

Какъ ни прекрасенъ домикъ, въ которомъ сидѣлъ я, но сады манили гулять меня. Я пошелъ и провелъ тамъ весь вечеръ.

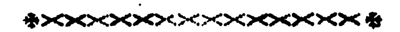
Какъ прiятно пробираться между садовъ по дорожкамъ, скрытымъ подъ верхами срастающихся деревъ! по дорожкамъ, текущимъ изъ одной излучины въ другую; по дорожкамъ, которыя пере-

сѣкаясь встрѣчаются снова, какъ будто не хотѣвъ разстаться съ сими мѣстами.

Руссо сказалъ, что онъ любитъ не минуты наслажденія въ любви, но минуты, которыя за тѣмъ слѣдуютъ. Можетъ быть можно тоже сказать о наслажденіяхъ Природы. Пріятна была моя прогулка, но отдохновеніе еще пріятнѣе. Передъ глазами моими картина: вокругъ меня мелькаетъ тѣнь деревъ; издали несется прохладный вѣтерокъ, которой освѣжаетъ мои чувства; надъ головой сіяетъ чистѣйшая лазурь; мнѣ такъ легко дышать, мыслить и говорить съ вами. И такъ естьли письмо мое покажется вамъ занимательнымъ, естьли вы найдете въ немъ нѣкоторый

жаръ чувства; то будьте благодарны за то не мнѣ, а вдохновенію сего мѣста.

Между тѣмъ насталъ часъ ночи; солнце не взойдетъ ужъ болѣе для меня, и никогда можетъ быть на сады Судакскіе. . . .



ПИСЬМО CV.

Древній Судакъ.

Каменной утесъ, можетъ быть около ста саженъ вышины, устремляется съ берега Чернаго моря прямо къ облакамъ, и несетъ на остроконечной вершинѣ своей разрушенныя стѣны крѣпости съ высочайшею башнею, которую одну пощадила нѣ-

сколько рука времени; какъ будто бы изъ уваженія къ къ сему чудесному зданію и память его древняго величія. Это одинъ остатокъ Генуезскаго города, извѣстнаго подъ именемъ Судака.

Обхожу вокругъ утеса и несусь взоромъ отъ подошвы его до самой вершины, гдѣ шпицы башни, пресѣкая горизонтъ, пресѣкаются сами вышнимъ слоемъ воздуха. Каждая сторона утеса являетъ нѣчто разительное; со стороны моря видишь одну каменную громаду, летящую, кажется, изъ нѣдръ морской пучины въ эфирную пустоту и чудесно висящую на воздухѣ; съ противуположной стороны представляются величественные

уступы, покрытые зеленью, каминями и развалинами.

Кажется, что Природа и человѣкъ хотѣли въ семъ мѣстѣ наперерывъ одинъ передъ другимъ приводить въ изумленiе и творить чудесности.

Удивительно въ Природѣ зданiе сего утеса, сихъ камней, безпорядочно наброванныхъ и твердо покоющихся на неизмѣримой вышинѣ между моря, котораго волны ударяютъ безпрестанно объ его основанiя; и между громоносныхъ облаковъ, которыя трутся объ его вершину. Но не менѣе удивительно искуство человѣка, которой умѣлъ на семъ грозномъ утесѣ основать себѣ убѣжище, выстроить на неприступныхъ всходахъ горы

еще неприступнѣйшую крѣпость, расположить на поверхности безпорядочнаго ряда камней регулярную каменную стѣну, увѣнчать ее огромнѣйшею башнею, и такимъ образомъ сравняться въ механизмѣ руки своей съ механизмомъ самой Природы.

Генуезцы за укрѣпленіями Натуры и за укрѣпленіями человѣческими не могли укрыться отъ всеобщей судьбы міра. Сіи новые гиганты, поселившіеся подъ небомъ, пали подъ ударами земнаго оружія, и побѣдители Природы сдѣлались рабами себѣ подобныхъ.

ПИСЬМО CVI.

Тарахташъ.

C'eſt un bien pour un voygaeur d'avoir acquis un fond d'emotions douces et vives dont le ſouvenir ſe perpetue pour toute la vie.

Anacharſis.

Наконецъ странствїе мое по горамъ кончилось. Отдыхаю послѣ трудовъ въ тихомъ убѣжищѣ. Одна душа моя, полная еще живыхъ движенїй, носится по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ Природа основала всемогущею рукою непоколебимыя громады дикихъ скалъ, и между ими, какъ будтобы играя легкой кистью,

нарисовала нѣжныя долины. Чѣмъ разительнѣе были ужасы, чѣмъ болѣе предстояло мнѣ минуть опасностей, чѣмъ болѣе думаю о томъ, что я могъ навсегда разстаться съ вами въ здѣшнемъ мірѣ: тѣмъ пламеннѣе, естьли можно, люблю васъ, радуюсь и чувствую тотъ покой, которымъ теперь наслаждаюсь.

Дружба ваша проститъ мнѣ, что я молчалъ по сихъ поръ объ опасностяхъ мнѣ угрожавшихъ; въ семъ случаѣ довѣренность была бы безполезна. Тогда вы бы имѣли одну причину тревожиться: теперь вы имѣете только случай радоваться. Раздѣлимъ на каждое сердце по частичкѣ сладкой надежды, что мы будемъ еще жить

въ одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ и подъ одной кровлей.

Подивитесь дѣйствію горнаго путешествія. Я загорѣлъ и почернѣлъ, какъ Арапъ; верховая ѣзда переломала кости мои; нѣкоторая томная слабость овладѣла мною; но сія самая слабость, сіи труды, сіе безпрестанное движеніе переработали такъ мои соки, что мнѣ кажется, будто я переродился. Жизненныя мои дѣйствія пришли въ щастливое равновѣсіе; кровь течетъ быстро, тѣло свѣжо и легко, минута пищи есть для меня наслажденіе; часъ сна сладкое обновленіе всего бытія моего. Не менѣе оживились и духовныя мои способности. Природа созерцается яснѣе въ душѣ моей, и

душа моя въ Природѣ. Дыханїе вѣтерка, игра цвѣточковъ и пѣсни птичекъ пробуждаютъ во мнѣ всѣ силы воображенїя и чувствительности съ такимъ быстрымъ дѣйствїемъ, о которомъ я до сихъ поръ не имѣлъ понятїя. Такъ Божественной Разумъ, вдохнувшїй жизнь въ человѣка, хотѣлъ, чтобы покой и дѣятельность оживляли попеременно силы его, чтобы работа услаждала отдохновенїе, а отдохновенїе работу; но безсмыслїе тварей не рѣдко уничтожаетъ предвидѣнїе Творца.

Не смѣю совѣтовать Медицинскому Факультету, чтобы онъ предписалъ *городской* ипохондрїи и *свѣтской* истерикѣ прогуляться по горамъ Крымскимъ; но смѣю

вѣрить, что такая прогулка, работа и движенїе, были бы лучшимъ лѣкарствомъ для тѣхъ недуговъ, которые, какъ будто бы отомщая за трудолюбивую нищету, огорчаютъ праздное великолѣпїе.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ сладкаго отдохновенїя заняло меня здѣсь одно интересное посѣщенїе. Я былъ въ гостяхъ у Татарской Княжны, сестры покойнаго Сах-Герея, послѣдняго Крымскаго Хана.

Она вдова и дочь знатнаго Хана. Наслѣдство и имя ея подавали ей право на многїя требованїя; ей обѣщали всѣ выгоды въ жизни; ей позволяли выбрать мѣсто своего пребыванїя въ одной изъ столицъ Россїи, но она

поселилась подЪ щасшливымЪ климашомЪ Тавріи. Жизнь ея шечешЪ шихо; передЪ глазами ея блесшяшЪ красошы Природы; для седца ея цвѣшушЪ розы любви и удовольсшвія. Пушешесшвенники посѣщаюшЪ ее самою, какЪ одинЪ изЪ лучшихЪ цвѣшковЪ на семЪ прекрасномЪ полуосшровѣ. ДомикЪ ея предсшавилЪ мнѣ пріяшную наружносшь и скромныя украшенія во внушренносши; но лучшимЪ украшеніемЪ была она сама; хошя уже не молодая, но пріяшная еще женщина, вЪ легкой Азіашской шубкѣ, подЪ кошорой скрывались, но не шаились прекрасныя формы шѣла, сЪ грудью вылишой на шонкомЪ корсешѣ, подпоясанная леншою сЪ блесшящей бляхой,

какъ Венеринымъ поясомъ, и сидящая на мягкомъ диванѣ, подобно какъ на престолѣ любви, съ важнымъ взоромъ, съ улыбкой богини. Фидіасова рѣзца достойно бы было величество ея стана, живость движеній и остатокъ молодости. Это была Венера на землѣ въ одеждѣ Татарки, съ одной легкой тѣнью небеснаго своего образа; это была роза, послѣ утренней зари, въ нѣкоторомъ затмѣніи отъ солнца.

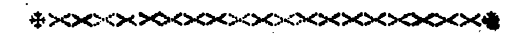
Слѣдуя національному обычаю, она потчивала меня кофеемъ и послѣ того трубкою. Необыкновенно видѣть ее самою важно курящую, но такъ все украшается отъ взгляда милой женщины, что все казалось въ ней пріятнымъ, и бѣлая трубка въ ро-

зовыхъ устахъ, и тихое движенie губъ, шепчущихъ кажется сладкое имя любви, и самыя усилiя дыханiя, прибавляющiя къ игрѣ эластической груди.

„Я видѣла и Петербургъ „и Москву — сказала она мнѣ „чрезъ переводчика на Татар„скомъ языкѣ, хотя и гово„ритъ, какъ меня увѣряли, „по Руски — ваши блестящiя „общества меня не ослѣпили; я „предпочла великолѣпнымъ го„родамъ этотъ неизвѣстной „уголокъ свѣта, гдѣ есть „удовольствiя для сердца, че„го и вы лучше не имѣете — „она улыбнулась; я восхи„щался.„

Такова любезная Татарка. Преклонность красоты ея и щастie не могли еще обез-

оружить зависть и клевету. Злые люди кричатъ, что она слѣдуетъ примѣру славныхъ Фринъ и Лаисъ. Злоба вооружается можетъ быть на нее отъ того, что красота сдѣлала ее извѣстной; что она во время пребыванія своего въ Петербургѣ, по завоеваніи Крыма, была осыпана лестными знаками отличія; что пріобрѣтенныя ею просвѣщеніе и обходительность привлекаютъ къ ней не однихъ Мурзей, но и самыхъ Европейцевъ, и что наконецъ она изъ всѣхъ обыкновеній своего народа сохранила одну одежду, изключая покрывала, разумѣется головнаго, а не покрывала скромности.



ПИСЬМО CVII.

Кефа.

Я приближился къ Кефѣ въ часъ по полуночи; одна луна освѣщала землю и все покоилось въ мірѣ, кромѣ насъ путешествующихъ.

Высокія Кефскія башни показывались мнѣ въ блѣдныхъ лучахъ мѣсяца; на улицахъ въ нѣкоторыхъ домахъ свѣтился огонь; у стѣнъ города въ прозрачномъ кристаллѣ моря созерцался ясной мѣсяцъ; я радовался и явленію новаго города, и виду ночной сцены, и щастливому моему возвращенію изъ опаснаго пути.

Далѣе встрѣтило меня еще пріятнѣйшее удивленіе. Мы остановились у постоялаго двора, гдѣ назначено было человѣку мною оставленному ожидать меня съ экипажемъ. Мы постучались у воротъ — они отворились — и тотчасъ выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу собачка моя; за нею и доброй мой слуга; она визжала, прыгала, ласкалась ко мнѣ, а онъ стоялъ, глядѣлъ на меня и — не могъ удержаться отъ слезъ, которыя катились изъ глазъ его. Бѣдный человѣкъ, слыша объ опасности горной дороги, почитая меня погибшимъ и не спавъ уже нѣсколько ночей отъ сомнѣнія, обрадовался мнѣ до безумства. Еще одинъ день, говорилъ онъ мнѣ, еще одинъ

день — и я бросился бы въ море. Какъ возвратиться домой одному безъ моего господина? что сказать? что дѣлать?... рыданїе перерывало его голосъ; я самъ плакалъ.

Божественный Поэтъ! ты, которой воспѣлъ вселенной щастїе Итакскаго Царя, встрѣченнаго вѣрной его собакой и добрымъ Евмеемъ! я былъ щастливѣе тебя. Я чувствовалъ въ существенности то, что ты чувствовалъ по одному воображенїю. Ахъ! для чего нѣтъ у меня пера твоего?

Мы вошли въ комнату. Потребность покоя уступила желанїю распрашивать и разсказывать. Подробности моего человѣка были для меня всего интереснѣе. Проте-

кло трои сутокъ за срокомъ моего возвращенія, протекалъ и четвертой день, никто изъ насъ не возвращался. Бѣдной оставался сиротою на чужой сторонѣ; отчизна, друзья, все, что такъ драгоцѣнно для души, сдѣлалось для него еще драгоцѣннѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ ожидалъ всего лишиться. Сидя часто у моря, горевалъ онъ о судьбѣ своей и нашей; волны притекали съ шумомъ къ берегу, земля стенала, и сердце его чувствовало еще живѣе потерю своихъ товарищей. Иногда пыль подымалась съ дороги, по которой надлежало намъ пріѣхать; нѣчто вдали чернѣлось; воображеніе и надежда оживляли призраки: но пыль ложилась опять на свое мѣ-

ето и горесть на сердцѣ. Наконецъ закатилось и солнце послѣдняго дня надежды; насталъ часъ ночи, но не принесъ покоя душѣ его — какъ вдругъ въ сію самую минуту раздался конской топотъ. Бѣдной, нѣсколько разъ обманутой надеждою, не хотѣлъ вѣрить ей. Однакожъ онъ вышелъ, а не побѣжалъ, и . . . увидѣлъ насъ.

Такъ разсказывалъ мнѣ Степанъ мой. Сердце мое было растрогано. Я схватилъ перо, чтобы сказать вамъ, что было у душѣ моей.

Знаю, что такія подробности неважны для другихъ, но важны для васъ. Я пишу неученую книгу, но мое путешествіе. Никогда не предпринялъ бы его, есть-

ли бы надлежало мнѣ говорить только объ монументахъ гордости, славы и разрушенія. Ахъ! никакіе монументы въ свѣтѣ не стоютъ одного памятника сердца.

ПИСЬМО CVIII.

Кефа, или Ѳеодосія.

Вспомните о нынѣшнемъ состояніи Персеполиса, Палмиры, Аѳинъ; вспомните о судьбѣ Рима, и не удивляйтесь послѣ того, что Кефа блестѣла и померкла.

Но Кефа жива еще въ развалинахъ своихъ. Она процвѣтала вѣками, и съ вѣками только загладится. Вы видите еще, какъ она уга-

саетъ; вы спѣшите удержать руку, которая подсѣкаетъ основанія ея величія; вамъ хочется, пока не совершилось паденіе, возстановить и крѣпость, которая съ огромными башнями своими, съ твердыми стѣнами изъ дикаго камня существуетъ еще отчасти цѣлая, и мраморныя колонны, капарисные обломки, пальмовыя украшенія, которыя гніютъ въ пыли и прахѣ, и дома, которые еще стоятъ съ полуразрушенными стѣнами, крыльцами и кровлями, и самые фонтаны съ бассеинами, разсѣянные во множествѣ по городу, выстланные дикимъ камнемъ, украшенные сводами, но лишенные нынѣ игры водометовъ, отъ запустѣнія трубъ.

Какая перемѣна мѣста! какое превращенїе! какая разница между Кефой, которая представляется глазамъ вашимъ, и Ѳеодосїей, о которой говорятъ Саллюстїй, Страбонъ и Анахарсисъ!

Гдѣ во время Генуезцевъ зданїя одни другихъ величественнѣе украшали городъ, тамъ остались однѣ огромныя Турецкїя мечети и бани; гдѣ двадцать тысячь домовъ блестѣли въ воздухѣ, тамъ преклоняются къ землѣ нѣсколько бѣдныхъ жилищь; гдѣ было средоточїе всемїрной коммерцїи, тамъ одинъ бѣдной торгъ отправляется въ гавани, куда притекали народы изъ всѣхъ краевъ земли, и гдѣ, по словамъ Страбона и Са-

люстія (*), могло бы помѣститься по крайней мѣрѣ 100 кораблей, стоятъ одна бригантина и два судна; вмѣсто богатыхъ жителей видимъ бѣдныхъ; вмѣсто Генуезцевъ и Аѳинянъ, Армянъ и нынѣшнихъ Грековъ; и наконецъ, чтобы заключить сравненіе одною чертою, вмѣсто Ѳеодосіи — Кефу (**).

Судите о богатствѣ Кефскихъ развалинъ потому только, что мраморъ, сапфиръ и яспа сіяютъ еще во многихъ комнатахъ нынѣшнихъ жителей; что солдаты похищаютъ каждой день

(*) Strab. L. VII u Hiſtoire de la Rep. Rom. par Salluſte. Tome II pag. 176.

(**) Во время моего путешествія сей городъ переименованъ былъ Кефой.

кипарисъ и пальму изъ оставшихся зданiй, чтобы превращать ихъ въ огонь; что здѣшнему жителю нужно иногда только прибавить къ каменнымъ стѣнамъ одну легкую пристройку, чтобы имѣть почти готовой домъ.

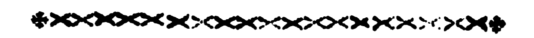
Кефа, стоя на отлогомъ пригоркѣ съ великолѣпными развалинами на самомъ берегу Эвксина, представляетъ еще картину для живописца.

Но какая картина представлялась глазамъ живописца въ то время, когда городъ во всей цѣлости, съ зданiями блестящими гранитомъ, порфиромъ, мраморомъ, оживленный духомъ Грековъ, народнымъ многолюдствомъ и разноцвѣтными флагами кораблей, владычествомъ надъ Эвксиномъ, въ

копторомъ созерцается его образъ, и надъ прекрасными полями, которыя его окружаютъ.

Кефа есть живой образъ опустошенїй времени и ужасовъ войны.

Живописецъ - Поетъ, какъ Историкъ - Философъ почерпнетъ въ теперешнемъ взглядѣ на увядающую Кефу болѣе вдохновенїя, нежели въ прежнемъ взглядѣ на цвѣтущую Ѳеодосїю.



ПИСЬМО CIX.

Кефа.

Иду гулять за городЪ — вдоль Чернаго моря — кЪ Ханскому дворцу, которой стоитЪ на берегу его вЪ полуверстѣ отЪ заставы.

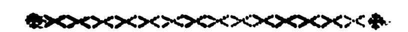
ВотЪ онЪ, передЪ величественнымЪ ЭвксиномЪ, обращенный кЪ прекрасной картинѣ города и кЪ живописнымЪ его окрестностямЪ. ВыборЪ сего мѣста показываетЪ любовь кЪ природѣ. Смотря на окружные предметы, на тишину сего убѣжища, хочется, чтобы чувствительной человѣкЪ жилЪ вЪ семЪ сладкомЪ уединенїи и вкушалЪ щастїе мирной жизни.

Домъ стоитъ безъ кровли, безъ рамъ и безъ половъ; стѣны выведены, но онѣ пусты; нити комнатъ развиваются передъ глазами, но одно молчанїе обитаетъ въ нихъ; прохаживаешся въ жилищѣ приготовленномъ для человѣка, но не встрѣчаешь нигдѣ ни голоса, ни лица человѣческаго.

Нагота зданїя, безмолвїе стѣнъ чувствительное для сердца, глухой ревъ моря и образъ Кефскихъ развалинъ передъ глазами производятъ въ душѣ глубокое впечатлѣнїе и заставляютъ думать съ Поэтомъ:

C' eſt un temple déſert qui demande ſon Dieu.

Одна мысль утѣшаетъ здѣсь путешественника — мысль, что Богъ вселенныя взглянетъ нѣкогда на пустыню, и пустыня оживится; разцвѣтетъ новое царство, притекутъ новые народы, и хвала Богу, пѣсни радости, торжество щастія загремятъ подъ тѣмъ самымъ небомъ, гдѣ теперь носится одно мертвое эхо.



ПИСЬМО CX.

Карасу - Базаръ.

На возвратномъ пути отъ Кефы къ Симферополю встрѣчаю городокъ въ долинѣ между горъ, скрытой въ зелени садовъ; смотрю на него,

съ высокаго холма и радуюсь прекраснымъ видомъ.

Рѣчка Карасу, которой теченіе рисуетъ по долинѣ блестящія излучины, манитъ меня внизъ къ стѣнамъ города, орошеннаго ея струями. Иду по бережку; приближаюсь къ прекраснымъ тополамъ, насажденнымъ группами вдоль рѣчки, осѣненной ихъ прохладными тѣнями, и вхожу въ Карасу-Базаръ.

Художества, общежитіе и исторія народовъ не обогатили его никакимъ памятникомъ; но за то Природа разсыпала въ немъ свои живописныя черты. Въ Карасу-Базарѣ, какъ и во всѣхъ Татарскихъ городкахъ на семъ полуостровѣ, надобно смо-

трѣть лучше на мѣста, не-
жели на города.

Татарскіе домы, обне-
сенные каменными оградa-
ми, выше самыхъ кровель
и скрытые отъ взора; Ханы
или гостинницы, заслонен-
ныя высокими стѣнами, и
мечети, неприбавляющія так-
же ничего къ украшенію, со-
ставляютъ изъ города нѣ-
что подобное государствен-
ной темницѣ, и бросаютъ
печальную тѣнь на Природу.
Не такъ весело цвѣтетъ до-
лина; не такъ пріятно жур-
чатъ струи рѣчки, когда
воображаешь, что за камен-
ными стѣнами заключают-
ся живыя существа и пре-
красныя плѣнницы. Я лю-
блю того Римлянина, о ко-
торомъ говоритъ одинъ Ис-

торикъ (*), что онъ сдѣлалъ домъ свой прозрачнымъ такъ, чтобы мимоходящіе могли видѣть все, что у него происходитъ въ домашней жизни. Одинъ порокъ и одно зло должны бы были таиться во мракѣ. Добрые Татаре! не вамъ укрываться отъ лучей солнечныхъ и взора человѣческаго, когда народы, полные развратности, глядятъ смѣлыми глазами на чистое свѣтило неба!

Всего любопытнѣе въ Карасу - Базарѣ, мѣсто торга; Живость необыкновенная отъ того точно, какъ Морицъ замѣчаетъ о городѣ Веронѣ (въ Италіи), что ремесленники

(*) Не помню, гдѣ это говоритъ Плутархъ, въ жизни славныхъ мужей.

работаютъ на улицахъ въ открытыхъ лавкахъ. Вы видише тутъ и портнаго съ ножницами въ рукѣ, и сапожника поющаго за работой, и повара передъ пылающимъ очагомъ. Къ сожалѣнію тѣхъ, которые хотѣли бы, чтобъ ничто не помрачало такой пріятной картины, видишь тутъ же вмѣстѣ и мясника, которой холодною рукою отнимаетъ жизнь у слабыхъ и невинныхъ тварей.

Сей *городокъ*, которой былъ нѣкогда *городомъ*, населенъ нынѣ болѣе нежели другіе въ Тавридѣ. Жители его, какъ вы могли замѣтить, Татаре; но есть много Грековъ, Армянъ и Рускихъ. Торговля здѣшняя не важна, по обстоятельствамъ нынѣшняго времени; но при Крым-

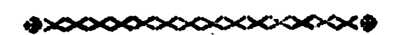
скихъ Ханахъ она процвѣтала, по свидѣтельству Пейссонела.

Въ Карасу-Базарѣ есть также развалины.

Здѣсь же небо было свидѣтелемъ одной торжественной клятвы. За городомъ на обширномъ лугу, всѣ обитатели полуострова въ 1783 году произносили обѣтъ вѣрности къ новой Державѣ своей. Какое великое зрѣлище, когда тысячи народа, въ присутствіи Природы, покорили себя волѣ одной Великой жены, чтобы пользоваться правомъ гражданина, и чтобы Геній мудрости, подъ тѣнью могущаго общества, охранялъ ихъ спокойствіе. ЕКАТЕРИНА II была до-

стойна принять сію клятву изъ устъ милліона новыхъ подданныхъ.

Оставляю Карасу-Базаръ, чтобы продолжать путь мой къ Симферополю.



ПИСЬМО CXI.

Симферополь.

Я возвратился въ домъ любезнаго семейства, къ взору трогательной Софіи, къ берегамъ Сальгира и къ наслажденію одной изъ прекраснѣйшихъ долинъ въ мірѣ. Акмечетъ мнѣ кажется раемъ на землѣ. Безмятежная жизнь въ нѣдрахъ живописной Натуры и посреди тихаго общества, есть щастіе

неоцѣненное. Едвали наслаждался я когда нибудь, какъ нынѣ, Природой, человѣчествомъ и бытіемъ своемъ.

Герой въ вѣнцѣ и Царь въ порфирѣ,
Въ судьбѣ ихъ бѣдны предо мной.
Герой великъ, я щастливъ въ мірѣ;
Царю заботы, мнѣ покой.

Для гордыхъ мило чувство славы,
Милѣе мнѣ любовь сердецъ.
За часъ любви, за мигъ забавы
Отдамъ безсмертія вѣнецъ.

Родись подъ щастливой звѣздою;
Не будь не знатенъ, не пригожъ (*),

(*) Есть и Руская пословица: *не родись ни хорошъ ни пригожъ; родись щастливъ.*

Любимъ ли ты? тогда судьбою
Поставленъ выше всѣхъ вельможъ.

Меня судьба родя сказала:
„Останься жить среди цвѣтовъ„ —
Вѣ тѣни мнѣ дружбу указала,
И въ тихомъ уголкѣ любовь.

Такъ буду вѣкъ мой въ скромной долѣ,
Безъ славы, шума и оковъ,
Любить, мечтать и пѣть на волѣ,
Подъ шумомъ рѣчекъ и стиховъ.

И здѣсь, и здѣсь съ волной Сальгира
Текутъ прїятно волны дней;
Со мной собачка, книжка, лира —
Нѣтъ лучшихъ благъ и для Царей.

Здѣсь, въ дикихъ ужасахъ Природы,
Блеститъ улыбка красоты,
И съ ней живущїе народы
Хранятъ въ себѣ ея черты (*)

Здѣсь горы спорятъ съ облаками,
Бросая громъ къ своимъ ногамъ.
Играютъ временемъ, вѣками,
И пишутъ древность мїра намъ.

А тамъ прекрасныя долины
Въ движеньѣ водъ, въ игрѣ цвѣтовъ,
Рисуютъ для очей картины,
Для сердца щастье и любовь.

(*) Въ самомъ дѣлѣ Татаре имѣютъ много любезнаго въ дикомъ ихъ состоянїи, подобно Натурѣ, которая ихъ окружаетъ.

Тутъ буду въ мирѣ насла-
ждаться,
Ловить съ зарей красавицъ
взоръ;
На нихъ съ Природой улы-
баться,
То слушать ихъ, то пти-
чекъ хоръ.

Тутъ буду вмѣстѣ съ па-
стухами
Въ лугахъ за стадомъ рвать
цвѣты;
Пастушекъ украшать вѣн-
ками,
И пѣть имъ щастье просто-
ты.

Герой въ вѣнцѣ и Царь въ
порфирѣ
Въ судьбѣ ихъ бѣдны предо
мной.
Герой великъ, я щастливъ
въ мірѣ;
Царю забoты, мнѣ покой.

Вчерась, въ веселомъ расположенiи моего духа, въ часы вечерней тишины, когда натура оживляетъ и сердце и душу; подъ небеснымъ вдохновенiемъ музыки, которая неслась ко мнѣ въ вѣтеркѣ изъ оконъ Софiиной комнаты, старался я изобразить въ семъ Романсѣ чувства моего сердца; воспѣть гимнъ прелестнымъ берегамъ Сальгира, и посвятить имъ памятникъ въ сихъ стихахъ, слабыхъ по выраженiю, но сильныхъ по чувству.

ПИСЬМО CXII.

Симферополь.

Отсюда буду я предпринимать нѣкоторыя поѣздки по здѣшнимъ окружностямъ.

Вчерась послѣ обѣда былъ я на высочайшей изъ Крымскихъ горъ, Чатиръ-Дагѣ, въ 1200 футовъ перпендикулярной вышины (*) и около пятнадцати верстъ ѣзды отъ подошвы до вершины (**).

Одинъ Французъ, Грекъ, мои люди, и я были пилигримами; день былъ прекрасной, и дорога около 30 верстъ,

(*) Смотри Tableau Phys. et topogr. de la Tauride par Pallas.

(**) См. Физич. опис. Тавр. обл. стран. 40.

(считая отъ Акмечета до Чатиръ-Дага) самая пріятная.

Луговая тропинка течетъ по берегу прелестнаго Сальгира, какъ будто бы гоняясь за его волнами и излучинами, мимо долинъ, осыпанныхъ нитями серебряныхъ струй, мимо кустарниковъ, растущихъ надъ нимъ густыми кущами, мимо селеній, покрытыхъ цвѣтомъ виноградныхъ садовъ, которые, стоя надъ свѣтлою рѣчкою, радуются, кажется, своимъ щастливымъ положеніемъ. Эти мѣста полюбились мнѣ лучше всѣхъ другихъ на семъ полуостровѣ. Нигдѣ глаза не передавали сердцу моему столько пріятныхъ впечатлѣній; нѣтъ ни одного человѣка, хорошо образованнаго, которой бы не

почувствовалъ здѣсь удоволь-ствія встрѣчать на каждомъ шагѣ новые виды и ланд-шафты, одни другихъ весе-лѣе, одни другихъ разно-образнѣе.

Ночь застала насъ въ деревнѣ одного Мурзы, ко-торой былъ нѣкогда щастли-вымъ любимцемъ Князя По-темкина. Ему угодно было пригласить насъ къ себѣ. По-жилой Мурза встрѣтилъ го-стей въ домѣ богато укра-шенномъ съ Азіатическимъ вкусомъ, сидя важно на дива-нѣ, куря трубку и удостоивъ насъ однимъ легкимъ накло-неніемъ головы. У дверей по угламъ комнаты стояли не-вольники, которые при од-номъ словѣ устъ его летѣ-ли выполнять повелѣнія. Галлерея, гдѣ онъ принялъ

тасЪ, украшалась колоннами; вЪ одной стѣнѣ выведенЪ былЪ каминЪ, на другой сторонѣ во всю стѣну простирался диванЪ, покрытый богатою матерїею. Мурза, посадивЪ меня рядомЪ съ собою, распрашивалЪ меня черезЪ переводчика о моей фамилїи, о Московской жизни, о цѣли предпринятаго мною путешествїя, и хвалилЪ мои намѣренїя. НаконецЪ, когда я хотѣлЪ откланяться, онЪ требовалЪ, чтобы я остался ужинать. Скоро принесли кушанье. Знатные Мурзы слѣдуютЪ вЪ столѣ однимЪ обыкновенїямЪ съ послѣдними Татарами. Тѣже блюды, тѣже низкїя скамейки, до которыхЪ нагибаться должно, чтобы брать кушанье; тоже употре-

бленіе однихъ ложекъ, безъ другихъ приборовъ. Послѣ ужина, Мурза препроводилъ насъ самъ въ хорошо прибранную комнату, гдѣ былъ приготовленъ намъ ночлегъ; осыпалъ меня ласками и сказалъ, что на другой день будутъ готовы его верховыя лошади, чтобы намъ ѣхать на нихъ на Чатиръ-Дагъ (*). Такое гостепріимство было для меня самымъ пріятнымъ удивленіемъ.

На другой день, послѣ покойнаго ночлега, отблагодаривъ еще разъ хозяина, которой не оставилъ насъ и поутру безъ угощенія, сѣли мы на лошадей и слѣдовали далѣе по красивымъ бере-

(*) На сію гору нельзя взбираться иначе, какъ верьхомъ.

гамъ тогожъ Салгира и по тихой утренней зарѣ, которая обѣщала прекраснѣйшїй день. Въ самомъ дѣлѣ солнце взошло очень хорошо; небо было чисто и ясно; вѣялъ вѣтерокъ самой тихой, когда мы приближились къ подошвѣ горы въ селенiе Господина Попова, гдѣ дали намъ свѣжихъ Татарскихъ лошадей, чтобы взбираться на Чатиръ - Дагъ.

На горѣ иногда представляются путешественнику песчаныя площади или равнины, мшистые камни, дикїя растѣнiя; иногда сопутствуютъ ему прозрачные лѣсочки, прохладныя тѣни и самой свѣжїй вѣтерокъ; иногда ряды голыхъ скалъ; мѣста отвсюду открытыя и упоръ лучей солнечныхъ дѣ-

лаютЪ путь тягостнымЪ. Гора возвышается нечувствительнымЪ образомЪ. На покатостяхЪ ея пасутся стада, и стоятЪ пастушескїе шалаши; далѣе, на нѣкоторой вышинѣ, предметы внизу становятся мѣльче, но яснѣе, воздухЪ рѣдѣетЪ, и вѣтерЪ дуетЪ холодно.

ПослѣтрехЪ часовЪ ѣзды, вЪ 3 часа по полудни увидѣли мы себя вЪ нѣсколькихЪ саженяхЪ отЪ крайней поверхности ЧатирЪ-Дага, которой подобно шатру (*) стоитЪ на семЪ мѣстѣ. Надлежало всбираться по каменному утесу, прямо вверхЪ; ибо нѣтЪ уже тутЪ никакой отлогости. Я сошелЪ

(*) ЧатирЪ-ДагЪ значитЪ на ТатарскомЪ языкѣ гора ШатерЪ.

съ лошадей, чтобы итти пѣшкомъ, надѣясь болѣе на свои ноги, нежели на чужія; а товарищи мои повиснули на гривахъ лошадей, которыя, вытянувъ головы, медленно вскарабкивались съ ношами своими по уступамъ камней. Скоро они предпочли итти пѣшкомъ со мною. Наконецъ покрытые потомъ и пескомъ ступаемъ мы смѣлымъ шагомъ на маковку Чатиръ-Дага.

Здѣсь можетъ быть не долженъ былъ никогда изображаться слѣдъ человѣческой, но смертной едвали не перешагнулъ за всѣ преграды, предписанныя имъ Природою.

Какое обширное поле для чувства и для размышленія! какое неизчетное сово-

купленіе предметовЪ! какая неизмѣримая точка зрѣнія! не весь ли кругЪ земный обнимаю я взоромЪ вЪ семЪ горизонтѣ?

Впереди гора АгермышЪ, покрытая облаками, стоитЪ наравнѣ со мною; позади меня синѣетЪ Черное море, котораго ревЪ едва достигаетЪ до слуха; сЪ другой стороны подЪ моими ногами носятся облака, парятЪ птицы, и низко стелются луга, долины и хребты сѣдыхЪ скалЪ; вЪ отдаленности видны, подобно блестящимЪ точкамЪ, АкмечетЪ, Карасу-БазарЪ и Бахчисарай; солнце, уклоняясь кЪ западу, освѣщаетЪ часть сего обширнаго Театра, между тѣмЪ какЪ тѣни протягиваются разноцвѣтны-

ми полосами по другой его половинѣ.

Здѣсь, въ семъ вѣчномъ уединеніи, гдѣ время, дщерь вѣчности, поставило престолъ свой отъ юныхъ дней міра, стараюсь я тщетно удержать нѣчто изъ слѣдовъ тѣхъ тысящелѣтій, которыя протекли на земномъ шарѣ, и еще протекать будутъ до неизвѣстной крайности. Здѣсь, въ сихъ древнихъ пустыняхъ, гдѣ рука времени начертала лѣтописи Природы, хочу читать въ нихъ исторію творенія, не постигаю смысла таинственной книги, и возвожу око выше солнца, туда, гдѣ темный покровъ Натуры дѣлается прозрачнымъ для существъ другихъ міровъ; здѣсь

наконецъ, въ семъ святилищѣ, гдѣ возбуждаются высокія мысли, протекаю систему міровъ, разсѣянныхъ въ безпредѣльной пустотѣ, населенныхъ существами; ищу самъ себя, смертнаго, столь гордаго умомъ своимъ, міръ нашъ столь шумной; ищу, и обращаюсь со стыдомъ къ точкѣ земли, которая, едва примѣтная подъ ногами моими, изчезаетъ совершенно въ неизмѣримости вселенной, которой бури столь громкія въ нашихъ царствахъ, столь ужасныя для народовъ, совсѣмъ неслышны въ остаткѣ всемірнаго пространства.

Между тѣмъ должно проститься со страной облачнаго міра, чтобы возвратиться въ свое земное отечество.

Медленно, не безъ принужденія, дѣлаю я тотъ шагъ, съ которымъ должно мнѣ переступить изъ свѣтлаго жилища мира въ жилище бурь и страстей. —

Спускаюсь съ Чатиръ Дага, и долго оглядываюсь на всѣ стороны, чтобы впечатлѣть въ душѣ моей тотъ образъ и картину, которымъ подобнаго можетъ быть не увижу никогда въ жизни моей.

Горная прогулка и размышленія утомили меня такъ, что я едва могъ уже обращать свое вниманіе на другіе предметы; однакожъ я имѣлъ еще довольно силъ, чтобы сойти во глубину одной изъ ледяныхъ пропастей, ископанныхъ въ горѣ

рукою Природы, чтобы пробыть тамъ нѣсколько минутъ и сказать себѣ: я прикасался къ двумъ крайностямъ нашего земнаго міра. Недавно былъ подъ облаками; теперь стою подъ землею.

Сіи пропасти служатъ вѣчнымъ ледникомъ Природы, и, какъ думаютъ Геологи (*), запасной храминой,

(*) Покрывъ льдомъ высокія горы, (говоритъ славной Боннетъ), Натура приготовила въ нихъ неизчерпаемыя храмины. Вися, такъ сказать, въ вышнихъ слояхъ атмосферы, сіи вѣчные ледники укрыты отъ прикосновенія нижняго разгоряченнаго воздуха, отъ котораго они бы разтаяли. Такимъ образомъ ледъ ихъ таетъ медленно и постепенно: милліоны водяныхъ нитей струятся изъ горъ и сливаются съ ручейками, чтобы пи-

откуда земля, рѣки и море почерпаютъ во время засухи неизтощимыя жилы водъ.

Замѣчу еще, что на горѣ, немного повыше сихъ пропастей, нашелъ я одну прекрасную эспланаду посреди лѣса, которая достойна быть сценой романа.

Къ Салгирскимъ ключамъ, которые видѣлъ я въ тотъ же день, возвратимся послѣ; не должно дѣлить вниманія. Пусть оно остается на сей разъ устремлено на Чатиръ-Дагъ.

тать рѣки и орошать поля. Contemplation de la Nature par Ch. Bonnet. Tome 1 page 21 и 22 Note 14.

ПИСЬМО CXIII.

Акмечеть.

Я обѣщалъ вамъ возвратиться къ Салгирскимъ ключамъ.

Мнѣ нужно только произнести сïе имя, чтобы увидѣть ихъ — передъ моимъ вообраденïемъ.

Я говорю ключи Салгирскïе; ибо не одинъ, но тысяча ихъ бьютъ изъ нѣдръ пещеры, скрытой въ горѣ, съ такою быстротою, что они разсѣкаютъ, кажется, сводъ утеса, которой съ великимъ отверстïемъ перегибается на семъ мѣстѣ, подобно величественнѣйшей аркѣ. Не источникъ, но шумная рѣка выливается изъ сего само-

роднаго грота, перепадываетъ по камнямъ съ кипѣнїемъ, пѣною, плескомъ, и быстро укатясь въ долину, мало по малу утихаетъ. Тотъ гремящїй ручей, которой за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ потрясалъ, казалось, основанїе горъ, едва струится теперь по зеленому лугу и окропляетъ тихими волнами щастливые берега свои, на которыхъ кроткїя стада покоятся.

Природа захотѣла скрыть сей прекрасной феноменъ въ узкой ущелинѣ обнаженныхъ скалъ, между каменными стѣнами, которыя окружаютъ Салгирской ключь. Посреди сей печальной наготы стоитъ одинъ тѣнистой дубъ, подъ которымъ мечтаетъ задумчиво любопытной при-

шелестъ, внимая шуму источника.

Сядьте подъ деревомъ, взгляните на паденіе водъ, послушайте громъ потоковъ, стонъ долины и эхо, которое въ отдаленности повторяетъ ихъ, и вы не забудете никогда сихъ водъ, сего грома, сего уединенія.

Vaucluſe, heureux ſejour, que ſans
exchantement
Ne peut voir nul, poëte, et ſurtout nul amant.

И у насъ есть сіе сладкое убѣжище, и у насъ есть свой Воклюзъ, и у насъ воды Салгира питали страсть двухъ нѣжныхъ любовниковъ (*).

(*) Смотри письмо LXXVII, въ которомъ сообщается анекдотъ Зервельта и Софіи.

Ключи Воклюза и Сальгира!
Вы милы для сердецъ чувствительныхъ равно.
Петраркъ любилъ и пѣлъ. Душа его и лира
Сливались какъ струи Ихъ чувство есть одно.
А Руской Зервельтъ нашъ любя еще нѣжнѣе,
Не смѣлъ и въ гимнахъ пѣть, что гимновъ всѣхъ святѣе,
Не смѣлъ и выражать невыразимой рокъ.
Отъ полныя души языкъ его умолкъ,
Онъ нѣкогда сказалъ: что такъ краснорѣчиво,
Какъ нѣжная сама любовь?
Какое изъ горячихъ словъ,
Не слабо изъяснитъ, что чувствую такъ живо?
Сказалъ, и съ чувствомъ симъ въ душѣ на вѣкъ замолкъ...
Но тотчасъ подхватилъ слова его потокъ;

Наяды понесли ихъ доломъ и лѣсами,
Перешепнулись тамъ съ крылатыми птенцами
И возвѣстя Природѣ всей,
Такъ согласились съ ней,
Что все до вѣтерковъ съ однимъ прїятнымъ смѣхомъ
Любви ихъ стало эхомъ.
Какъ всѣ мѣста твои, о щастливой Воклюзъ!
Твердятъ Петрарковъ стонъ (*) и помнятъ имя Лоры (**).

(*) Смот. Петрарковъ canzone XIV
Arbre heureux dont le feuillage agité par les zephirs,
Le couvrit de son ombrage,
Qui rappellez mes soupirs,
En rappellant son image. . . .
. . . .
. . . .
Ecoutés mes derniers accens;
Recevez mes dernieres larmes.

Переводъ Вольтера.

(**) Ja redemandois laure à l'echo du vallon,

Такъ здѣсь ручьи, лѣса, зефиры,
птички, горы
Прохожимъ говорятъ о страсти
нѣжныхъ душъ
И здѣсь, какъ тамъ, весной всѣ
птички въ тѣнь летаютъ
И въ рѣзвостяхъ своихъ тѣмъ
ласки повторяютъ,
Которымъ научила ихъ
Чета любовниковъ мла-
дыхъ (*),

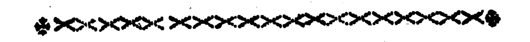
Et l'echo n' avoit point oublié
le doux nom.

де Лилль.

(*) Ce fertile vallon dont on a tant
vanté,
La solitude et la beauté,
Voit mille fois le jour dans la sai-
son nouvelle,
Les rossignols, les serins, les pin-
çons,
Repeter sous un verd ombrage
Je ne sçais quel doux badinage
Dont ces heureux amans leur donno-
roient des leçons.

Дезульеръ.

Гдѣ только по слѣдамъ влюбленныхъ я ступалъ.
Къ долинѣ, къ берегамъ, къ чему ни обращался;
Ихъ слезы находилъ, съ ихъ вздохами встрѣчался.
На камнѣ, на горѣ ихъ вензели читалъ;
На днѣ прозрачныхъ водъ ихъ образъ созерцался.
Зефиръ ихъ имена мнѣ на ухо шепталъ,
И эхо наконецъ въ долинѣ повторило,
Что сердце тамъ одно другому говорило.



ПИСЬМО CXIV.

Эвпаторїя.

Посѣщаю городъ славной по одному имени — вспоминаю о Митридатѣ Эвпаторѣ, которой повелѣлъ одному изъ полководцевъ своихъ основать крѣпость своего имени на семъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ не подалеку отъ онаго, и думаю о судьбѣ Царя Великаго по своей храбрости.

Думаю, что прїѣздъ мой, положенїе и имя простаго путешественника, не славнаго въ мїрѣ, но щастливаго въ неизвѣстности завиднѣе въ тысячу разъ судьбы сего Царя Азїи, которой гремѣлъ

славой своего оружїя и унывалъ во глубинѣ сердца. Ахъ! онъ глядѣлъ на солнце конечно не съ тѣмъ мирнымъ чувствомъ, съ которымъ я гляжу на небесное свѣтило; онъ не чувствовалъ перваго удовольствїя въ мїрѣ быть другомъ Природы, человѣчества и совѣсти своей; онъ не имѣлъ утѣшенїя приносить Богу благодарность за то, что на всей поверхности земнаго шара не пролилось отъ вины его ни одной капли слезъ и ни одной капли крови. Щастливые побѣдители мїра! я вамъ не завидую.

Между тѣмъ взглянемъ на городъ.

Улицы узки и тѣсны; домы некрасивы; вездѣ видно младенчество архитектуры,

но лица разныхъ народовъ, которые мнѣ встрѣчаются, сообщаютъ нѣкоторыя любопытныя черты о разнообразїи въ человѣчествѣ.

Вотъ мечеть, для которой, какъ сказываютъ, служила образцемъ Мекская. Много великолѣпїя, но мало красоты.

Посмотримъ съ набережной на положенїе города. Онъ склоняется амфитеатромъ къ Черному морю, омываетъ стѣны свои въ волнахъ его, и стоитъ очень красиво на легкомъ пригоркѣ съ высокими мечетями.

Достоинство сего города ограничивается выгодами порта и коммерцїи; населенїе его довольно велико; состоянїе жителей хорошо.

Возвращаюсь изъ Эвпаторіи и нахожу на дорогѣ славное озеро Сакъ, котораго берега, покрытые черноватою илью, приносятъ цѣлительной бальзамъ. Паралитики, чахотные, одержимые нервными болѣзнями, приходятъ погружаться въ грязь озера, и возвращаются съ возобновленными силами, съ укрѣпленнымъ тѣломъ, совершенно здоровыми. Такія благодѣянія неба требуютъ, чтобы Философія и Физика постарались заглянуть далѣе въ лабораторію Натуры, которая въ травахъ, водахъ и озерныхъ илахъ приготовляетъ намъ лѣкарства. Можетъ быть недостаетъ намъ важнаго открытія, что всѣ таинства Гигіены и всѣ изобрѣтенія Гиппократова искусства заклю-

чаются въ земныхъ нѣдрахъ, и ожидаютъ только новаго шага въ успѣхахъ разума человѣческаго, чтобы вскрыться подъ рукою нашею.

ПИСЬМО CXV.

Эски-Крымъ.

Я оставилъ Акмечетъ, чтобы слѣдовать далѣе и не возвращаться болѣе въ сей нелюбезной городъ. Прежде нежели начать говорить о старомъ Крымѣ, какъ не сказать вамъ ничего о послѣднемъ днѣ, проведенномъ мною въ Акмечетѣ?

Вы угадываете, что я раздѣлилъ все мое время, всѣ послѣднія минуты съ тѣмъ драгоцѣннымъ семействомъ,

котораго гостепріимство останется однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моей жизни, и котораго образъ будетъ развеселять мрачную осень лѣтъ моихъ. Хозяйка *анализировала* со мною въ послѣдній разъ нѣкоторыхъ Романистовъ и Поэтовъ. Хозяинъ распрашивалъ меня между тѣмъ о будущихъ планахъ моей жизни, и разсказывалъ мнѣ о своихъ. Любезная дочь ихъ за рукодѣльемъ слушала только насъ. Подали чай. Софія начала разливать. Я принялъ чашку изъ рукъ красавицы съ особеннымъ чувствомъ, глядѣлъ съ умиленіемъ на все, что меня окружало, и прощался заранѣе сердцемъ и взорами со всѣми существами дома и съ самыми

бездушными и съ самыми стѣнами, которыя заключали въ себѣ столько любезнаго. Наконецъ послѣдовалъ часъ разлуки. Выраженїе привязанности, благодарности и сожалѣнїе вылилось изъ души на уста мои. Позвольте мнѣ надѣяться, прибавилъ я, что моя память останется между вами. Любите насъ, сказалъ хозяинъ; пишите къ намъ и присылайте чаще изъ Москвы путешественниковъ . . . . . — Возвращайтесь здоровы, сказала Госпожа ***, ко всему, что васъ любитъ и что вамъ любезно; путешествуйте щастливо, повторила Софїя. Ахъ! я буду щастливъ и въ путешествїи и въ жизни, когда ты особливо пожелала мнѣ щастїя, чувствительная, интересная

дѣвушка! Такъ думалъ я самъ въ себѣ, бросилъ еще на все семейство моявъ взглядъ, которой былъ послѣднимъ взглядомъ, и . . . удалился. Ужъ мы приближились къ старому Крыму, но я былъ еще въ Акмечетѣ.

Теперь смотрю съ примѣчанїемъ на новой городъ, и разбираю въ себѣ впечатлѣнїе его на мою душу и разумъ.

Сїя древняя столица Крыма, извѣстная подъ именемъ Циммерїума, процвѣтала торговлей, дышала роскошью, блестѣла Азїатическимъ великолѣпїемъ, чтобы послѣ того, подобно самымъ цвѣтущимъ царствамъ, угаснуть на землѣ подъ рукою побѣдителя скорѣе лучей вечерняго свѣта, и явиться въ

покровѣ траура надъ печальными руинами. Путешественникъ, сидя между пустыхъ стѣнъ, ищетъ тщетно во мракѣ развалинъ, въ ночи протекшихъ временъ, искры свѣта или эха славы, которое прогремѣло бы въ семъ безмолвномъ уединенiи и возвѣстило бы о какомъ нибудь славномъ дѣлѣ. И такъ память народовъ вообще, какъ память человѣка, особенно изчезаетъ въ мiрѣ безъ подвиговъ, достойныхъ переживать ихъ.

Не знаю отъ чего, но я нахожу нѣчто питательное для сердца въ опустѣнiи сего города, въ семъ унынiи, которое царствуетъ на улицахъ, въ семъ дикомъ видѣ камней и кирпичей разбросанныхъ въ безпорядкѣ, въ

сихъ печальныхъ храмахъ, лишенныхъ присутствія божества, въ сихъ печальныхъ домахъ, которые стоятъ одни въ уединеніи.

Кажется, что сей народъ Армянъ и Грековъ, которые изрѣдка показываются на улицахъ, укрылся одинъ отъ всемірнаго разрушенія.

Положеніе города, осѣненнаго густыми садами, было бы пріятно, естьлибъ бѣдность человѣчества, въ противоположности съ великолѣпіемъ Природы, не оскорбляла сердце и глаза чувствительныхъ.

ПИСЬМО CXVI.

Арабатъ.

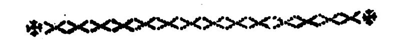
Я взглянулъ на крѣпость сего имени, и могу сказать, что ее видѣлъ.

6 или 7 Донскихъ козаковъ, которыхъ можно болѣе назвать отставными ветеранами, нежели служащими воинами, охраняютъ сіе мѣсто. Одинъ изъ нихъ служилъ мнѣ вождемъ и изъяснителемъ. — „Это окопь „и укрѣпленія мастерскія — „Хорошо, но далѣе“ — Загляните во внутренность крѣпости, гдѣ мы живемъ — „Какая дичь! какое запустѣ„ніе! Эта крѣпость — пусты„ня; эти каменныя казармы —

„темницы. Этотъ дворъ, об„росшiй крапивой и тер„номъ, кажется степью.„ — Вотъ батареи на берегу моря„ — мимо — это Азовское море омываетъ стѣны крѣпости. Съ другой стороны вы видите Сивашъ или гнилое море, котораго вредные пары заражаютъ воздухъ и стѣсняютъ дыханiе. Эта, такъ названная стрѣлка земли, течетъ въ самомъ дѣлѣ подобно стрѣлѣ, между сихъ морей, прикасаясь однимъ концемъ къ сушѣ, а другимъ къ проливу Сиваша и Меотiйскаго озера, напротивъ крѣпости Геничи, протягиваясь около ста верстъ въ длину, сжимаясь до такой узкости, что она не имѣетъ болѣе двухъ верстъ ширины, и на семъ маломъ

пространствѣ неся озера, богатыя солью." — . . . Вотъ что любопытно. — Крѣпость окружена, какъ вы видите, однѣми печальными равнинами.

Не знаю, умѣлъ ли я сообщить вамъ понятїе о сей крѣпостцѣ и ея окрестностяхъ.



ПИСЬМО CXVII.

Керчь.

Представьте себѣ бѣдную слободу съ нѣсколькими дворами, и вы представите себѣ тотъ городъ, которой былъ нѣкогда однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Восфор-

скомъ царствѣ, подъ именемъ Нимфея (*).

Здѣсь черезъ всѣ опустошенія времени и руки человѣческой прошелъ незыблемо

(*) Не Керчь, какъ говоритъ Географической Словарь Россійскаго Государства, есть древній Пантикапеумъ, но Яникаль. Вотъ на чѣмъ я основываюсь. Страбонъ пишетъ, что Циммерійской заливъ находится между Фанагоріи въ Азіи, и Пантикапеума въ Европѣ. Ближайшій же городъ къ заливу есть Яникаль. Тотъ же Географъ прибавляетъ, что между Ѳеодосіею и Пантикапеумомъ есть городъ Нимфея (Strab. L. VII.); но какъ нѣтъ никакого города между Кефы и Яникаля, кромѣ Керчи, то и можно полагать основательно, что сей послѣдній городъ есть Нимфей. Французской Переводчикъ того славнаго Историка, которой подробно описывалъ Таврической Херсонесъ, полагаетъ также, что Яникаль есть древній Пантикапеумъ.

одинъ великой колоссъ, чтобы изумлять насъ въ осьмомъ-надесять вѣкѣ памятникомъ отдаленнѣйшихъ столѣтій. Я говорю объ одной церкви, построенной за нѣсколько тысячь лѣтъ передъ симъ, которая устояла въ цѣлости.

Приближаюсь къ храму. Все обветшало снаружи. Кажется, что время положило на немъ печать свою.

Благоговѣніе было въ душѣ моей, когда я вступалъ подъ кровъ храма, гдѣ не умолкъ еще гласъ народнаго богопоклоненія; когда я стоялъ передъ олтаремъ, покрытымъ слѣдами земной тлѣнности; между стѣнъ, воздвигнутыхъ при рожденіи искуства и достигнувшихъ до

эпохи ихъ совершенства; между нѣмыхъ свидѣтелей отдаленнѣйшаго бытія міра, которые, естьли бы они могли говорить, возвѣстилибъ намъ конечно объ чудеснѣйшихъ и неизвѣстныхъ произшествіяхъ.

Сіи мраморные столпы, поддерживающіе куполъ, которые въ то время, когда земля перемѣнялась тысячу разъ въ видахъ своихъ, пребыли непоколебимы — сіи столпы поражаютъ и взоры и воображеніе.

Тамъ въ олтарѣ — на жертвенникѣ нахожу я Евангеліе, писанное на пергаминѣ, которое пережило столѣтія и сохранилось въ цѣлости.

Никогда сіяніе сего золота и сребра, разсыпаннаго

въ украшенїяхъ храма, не могло столько привлекать мысли и чувства, сколько возбуждаетъ глубокихъ впечатлѣнїй теперешняя тусклость сего самаго золота.

На одномъ камнѣ, въ углу церкви, вижу я отпечатокъ ногъ человѣческихъ. Преданїе народное говоритъ, что это слѣдъ шаговъ одного праведнаго Мужа, ознаменованнаго чудесами Неба. Игра Природы, которой Натуралисты удивляются въ камняхъ, не производила ничего совершеннѣе сихъ пятокъ, выпечатанныхъ на самомъ твердомъ веществѣ. И естьли бы рѣзецъ художника выработалъ ихъ, то не было бы ничего чуднаго; но трудно, что такая работа есть дѣло руки невидимой.

Обращаюсь отъ церкви къ Порту, который напоминаетъ о духѣ ПЕТРА Великаго. Куда не досягалъ взоръ и рука сего безсмертнаго Героя? Первой Россійской фрегатъ являлся при Немъ на Меотійскомъ озерѣ и на Эвксинскомъ Понтѣ. 10 Кораблей, 2 галеры о 360 пушкахъ и 40-пушечная фрегата, носящая на себѣ Посла Россійскаго, прошли мимо Керчи въ Царь-градъ, не взирая на сопротивленіе тамошняго Паши (*).

Кажется, что ПЕТРЪ Первый предшествовалъ на сихъ моряхъ, какъ и во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, ЕКАТЕРИНѢ Второй; ка-

(*) Смотри Дѣянія ПЕТРА Великаго.

жется, что Онъ оставилъ Ей во всемъ славу послѣдняго шага, даже до покоренія Крыма; кажется, однимъ словомъ, что тогда сіи моря предчувствовали будущее могущество той Державы, которой надлежало покоиться на подножіяхъ нѣсколькихъ Царствъ, и созерцаться въ нѣсколькихъ великихъ моряхъ.

Не буду вамъ послѣ того говорить о степяхъ, окружающихъ городъ; о его бѣдныхъ строеніяхъ, о незнатномъ торгѣ жителей, и о судьбѣ народа, едва извѣстнаго въ мірѣ.

ПИСЬМО CXVIII.

Еникаль.

Вотъ древній Пантикапеумъ, куда перенесена была столица Восфорскаго царства наслѣдниками Спартакія и Архонакса (*), которой полагаетъ предѣлъ Европѣ и Крыму, и гдѣ заключается мое путешествіе по сему полуострову.

Вы помните, что говоритъ молодой Анахарсисъ въ путешествіи своемъ по Греціи о семъ самомъ городѣ. —

(*) Смотри Uid Diodor. L. XII et XIV и Hist. de la Rep. Rom. par Salluste, Tome II, page 166. edit de Dijon in 4.

„Я перебѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, пишетъ онъ; смотрѣлъ на крѣпость, на оружейную, на пристань, на корабли, на снаряды ихъ — и не могъ насмотрѣться; вбѣгалъ въ лавки, въ мануфактурныя заведенія, въ дома частныхъ людей; выбѣгалъ за городъ, и глаза мои устремлялись на поля, жатвами покрытыя, и на сады, плодами обогащенные — (*).„ Восхищенной явленіемъ цвѣтущаго города и обработанныхъ полей, молодой Скифъ, или, естьли вы хотите, Французской Авторъ спрашивалъ, не есть ли Пантикапеумъ первой городъ въ мірѣ (**)?

(*) См. Voyage du jeune Anacharsis. Tome II. page 6 et 7.

(**) См. тотъ же Voyage, тотъ же Томъ и туже страницу.

Что касается до вашего путешественника, то онъ посвятилъ одинъ вздохъ въ память сего города. Я ходилъ по слѣдамъ Анахарсиса изъ улицы въ улицу; искалъ взорами того, что прельщало его сердце и чувство, и думалъ въ самомъ себѣ: куда дѣвалась слава сего города, красота зданій, живость народа, богатство полей цвѣтущихъ? — Чувства мои были самыя живыя, говоритъ тотъ же путешественникъ; радость оживляла языкъ мой. Я скажу напротивъ того, что сердце мое было полно скорби и уста безмолвны. Я готовъ былъ спросить въ свою очередь: не есть ли Пантикапеумъ одинъ остатокъ всемірнаго разрушенія?

Не льзя не вспомнить въ семъ городѣ объ одномъ примѣчательномъ словѣ, которое было въ немъ сказано, по свидѣтельству Атенея. Левконъ царствовалъ въ Пантикапеумѣ. Одинъ изъ Вельможъ хотѣлъ оклеветать предъ нимъ человѣка, котораго невинность была ему извѣстна. Нещастной! воскликнулъ Левконъ, я бы предалъ тебя сей часъ достойной казни, естьли бы злодѣи, тебѣ подобные, не были нужны для деспотовъ.

Философъ Хризиппъ пишетъ, что сей самой Левконъ умѣлъ привлечь къ своему Двору многихъ славныхъ мужей изъ города Аѳинъ, чтобы они были свидѣтелями его великолѣпія и уча-

ствовали въ его щедрости (*).

Примѣчательнѣйшая черта въ правленіи сего Государя есть та, что онъ заключилъ съ Аѳинянами договоръ, по которому оба народа пользовались другъ у друга правомъ гражданства.

Теперь слѣдуйте за мною къ одной горѣ, не подалеку отъ города, изъ которой бьетъ ключь. Вы ожидаете видѣть чистые ручьи воды; но вдругъ видите черное, жидкое вещество, которое кипитъ, какъ вода на огнѣ, струится тонкими жилками внизъ горы, хладѣетъ и образуетъ минеральное масло цѣлитель-

(*) Смотри Chrisipp. apud Plutarch. и второй Томъ Французскаго перевода: Histoire de la Rep. Rom. par Salluste. стран. 267.

ное отъ многихъ болѣзней. Это нефтяной источникъ.

Какихъ чудесъ, подумаешь, нѣтъ въ Природѣ!

ПИСЬМО CXIX.

Еникаль.

Заключимъ наши прогулки по Крыму, и бросимъ одинъ всеобщій взглядъ на тѣ предметы и мѣста, которыя мы пробѣжали.

Сей полуостровъ, столь славной въ древности и едва извѣстной во времена наши — полуостровъ, достойной взгляда человѣческаго, но рѣдко посѣщаемой путешественниками; — полуостровъ, которому по сихъ поръ недостаетъ

только можетъ быть Тибулловъ, Пропердіевъ, Горациевъ, чтобы сдѣлаться, подобно Италіи, славнымъ въ мірѣ; — сей полуостровъ наслаждается въ полуденныхъ мѣстахъ своихъ нѣжными красотами Швейцарскихъ долинъ, величествомъ горъ Аппенинскихъ и щастливымъ климатомъ Анатоліи. Не думайте, чтобы я увеличивалъ его достоинство; прочтите Палласа, загляните въ Габлица; замѣтьте, что живописныя картины сего края не укрылись даже отъ пера сихъ двухъ Натуралистовъ, которые писали только о Крымѣ какъ Физики и Ботанисты, и вы согласитесь со мною, что въ семъ уголкѣ свѣта хранится новая жила Поэзіи, рожденіе

новаго царства въ мiрѣ Фантазiи, и можетъ быть тайной ключь Руской литтературы.

Я сказалъ, и повторяю, что сей полуостровъ пользуется щастливѣйшимъ изъ земныхъ климатовъ. Четыре времени года едва здѣсь раздѣляются. Въ Декабрѣ травы и цвѣты на минуту вянутъ, птички умолкаютъ; снѣгъ, или лучше сказать, бѣлой пухъ засыпаетъ землю на нѣсколько дней; но въ Февралѣ стада пасутся ужъ на поляхъ, рѣчки, слабо застуженныя, вскрываются, и весна во всемъ своемъ украшенiи, при вѣянiи вѣтерковъ подъ небомъ чистымъ и яснымъ, разливаетъ снова теплоту прiятности и радость. Воздухъ вообще чистъ

и здоровъ, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ горы, пересѣкая вѣтры, препятствуютъ очищенїю атмосферы, и тѣхъ мѣстъ, гдѣ Сивашъ разпространяетъ свои зловредные пары. Дни долги и жарки, особливо въ срединѣ лѣта; ночи ясны, прохладны, и даже въ приморскихъ мѣстахъ студены; лучшая погода стоитъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ года. Тогда безоблачная ясность царствуетъ въ воздухѣ; земля украшается всѣми произведенїями; зрѣлые плоды гнетутъ дерева; богатая жатва покрываетъ поля; благословенїе Неба изливается вездѣ подъ рукою благодарнаго человѣка.

Изъ трехъ царствъ Природы богатѣйшее здѣсь есть

царство растенiй. Гуляйте, и радуйтесь. Пирамидальныя раины (*), гордые восточные меспилы, величественные лавры, смиренныя оливы, буки и вязы, абрикосы и персики, гранаты и шелковицы, черешня (**) и вино-

(*) Раины (Populus. peupliers); ихъ три рода: лучшая есть Ломбардская или Италїанская, онѣ любятъ влажность, растутъ сучьями вверхъ и образуютъ пирамиды, подобно кипарисным деревамъ; вышина ихъ средняя въ 8 саженъ; окружность въ 3 аршина, листья похожи на листья обыкновенныхъ осокорей. Я не могъ довольно налюбоваться на величественной ростъ, на игру сребрящихся листьевъ, на отливъ темнозеленыхъ раинъ. Ихъ разводятъ прутьями и кольями, какъ у насъ иву. Въ Крыму есть также множество осокорей (peuplier noir) и тополовъ (peuplier blanc).

(**) Черешня (Prunus cerasus. Guignier). Сїе дерево похоже съ вида

гроздъ (*), приносятъ удовольствіе глазамъ и наслажденіе вкусу. Подите въ поля и въ сады: вы увидите тамъ все, что роскошь и вкусъ выписываютъ у насъ изъ чужихъ краевъ; все, что охота взращаетъ съ такимъ трудомъ въ нашихъ оранжереяхъ; всѣ цвѣты, которые наши Московскія красавицы выставляютъ по зимамъ на окошкахъ, поливаютъ и радуются, увидите анемоны, фіалки, гіацинты, гвоздики, бальзамины, геліотропы, ясмины,

на рябину; плодъ его красной, вкусъ вишенной. Оно цвѣтетъ въ Майѣ и Іюнѣ. Татаре выдѣлываютъ изъ сучьевъ трубочные чубуки.

(*) См. Физич. Опис. Таврич. обл. по ея мѣстопол. и по всѣмъ тремъ царст. Прир, отъ страницы 66 до 86.

резеду и тысячу другихъ травъ и цвѣтовъ (*). Хотите ли быть Пиѳагорейцами и питаться одними овощами? вы найдете спаржу, фасоль (**), бадиджанъ (***), кукурузу (†) и проч. Не ищи-

(*) См. тоже Физич. Опис. отъ стран. 87 до 92.

(**) Фасоли или Турецкiе бобы.

(***) Бадиджане, или Армянскiе огурцы (Solanum melon gena) одинъ видъ ихъ огурешной, вкусъ совсѣмъ другой; они покрыты красно - фiолетовой кожей. Всѣ Азiатскiе народы и Татаре прiуготовляютъ ихъ въ прокъ разнымъ образомъ.

(†) Кукуруза, или Турецкая пшеница (maisble de Turquie). Я могу сказать, что ростъ колоса вдвое, или еще и втрое противъ нашей Русской; я видѣлъ ее цвѣтущую въ саду одного Грека. Она вывезена изъ Индiи въ Турцiю, а потому и называется, во многихъ мѣстахъ, Индѣйскою пшеницею, а у насъ Турецкою. Колосъ, по мѣрѣ то-

те только тѣхъ любопытныхъ тварей, которыя служатъ послѣдними границами чувствительнаго міра; не ищите насѣкомыхъ, кромѣ пчелъ и проч. (*); но возвра-

---

го, какъ онъ созрѣваетъ, перемѣняетъ цвѣтъ и бываетъ иногда желтой, иногда красной, то голубой или бѣлой, то совсѣмъ фіолетовой. Случается, что одинъ колосъ имѣетъ въ одно время всѣ четыре цвѣта. Эта пшеница отмѣнная для урожая. Та, которая растетъ въ Индіи, говоритъ Бомаръ, приносить иногда семь сотъ зеренъ съ нѣсколькихъ колосовъ. Грекъ, у котораго я видѣлъ кукурузу въ саду, разсказывалъ мнѣ также много о ея чрезвычайныхъ выгодахъ. Мнѣ не извѣстно, сѣется ли сія Турецкая пшеница въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи.

(*) Однакожъ Палласъ считаетъ ихъ только 30 родовъ; но комаровъ, клоповъ и таракановъ совсѣмъ нѣтъ, что весьма примѣ-

титесь къ среднимъ ступенямъ лѣствицы въ творенiи, и вы встрѣтите множество нѣжныхъ пѣвцевъ, жаворонковъ, пѣночекъ, лебедей, горлицъ и соловьевъ; множество величественныхъ птицъ, Алпiйскихъ орловъ (*), печальныхъ потатуевъ (**),

чательно. См. тоже Физич. Опис. стр. 197 и tableau Phiſique et Topographique de la Tauride. par Pallas. page 86 и 87.

(*) Сей орелъ есть въ самомъ дѣлѣ изъ числа Алпiйскихъ, не по одному имени, но по виду, перьямъ, голосу и величинѣ. Однако же, по свидѣтельству одного славнаго Наблюдателя, онъ изрѣдка попадается на горахъ Крымскихъ. Въ другихъ странахъ свѣта нигдѣ его не находятъ. Однѣ Альпы его убѣжище.

(**) Потатуй, или удодъ (Huppe. Upupa, epops. Linneus; послѣднее имя его на Рускомъ языкѣ выражаетъ совершенно его крикъ.

чадолюбивыхъ пеликановъ (*),

Французское имя означаетъ очень хорошо его головной уборъ, которой состоитъ въ хохлѣ. Сія птица, пестрая цвѣтомъ, прилетаетъ весной къ намъ на сѣверъ, отлетаетъ осенью и зимуетъ въ полуденныхъ мѣстахъ, въ Египтѣ, въ Мадагаскарѣ, на мысѣ Доброй Надежды. Насѣкомыя служатъ ей пищею, а разсѣлины горъ жилищемъ. Самка несется по три раза въ годъ, слѣдуя мнѣнію нѣкоторыхъ Натуралистовъ. Гнѣздо ея изъ навоза. Трудно поймать сію птицу; ибо недовѣрчивость есть ея характеръ.

(*) Или баба птица. Она была въ древности эмблемой нѣжности отеческой. У ней, подъ шеей, виситъ мѣшокъ. Она наполняетъ его, какъ карманъ, добычей, чтобы приносить ее въ гнѣздо и кормить своихъ птенцовъ. Она любопытнѣе и занимательнѣе въ глазахъ Натуралиста по своему мѣшку, говоритъ славной Бюффонъ, нежели по баснямъ Египтянъ. Пеликанъ имѣетъ ростъ лебедя, живетъ

множество рѣзвыхъ звѣрей серн ъ, сайгаковъ или антилоповъ, но ни одного хищнаго звѣря (*). Загляните на дно влажной стихiи; тамъ кефалы (**), дельфины, морскiе коты, сельды (***) и ра-

долго, и есть славный рыболовъ.

(*) См. Физич. Опис. Тавр. обл. стр. 169.

(**) Славная рыба изъ числа переходныхъ (muge de mer. Mugil cephalus) живетъ въ океанѣ; ее множество ловится въ Черномъ морѣ у береговъ Крыма. Говорятъ, что она дѣлаетъ съ великою точностiю ежегодные свои переходы весной изъ Константинопольскаго залива въ Черное море, а осенью обратно черезъ Средиземное море въ Океанъ, проводя три мѣсяца у береговъ Таврическаго полуострова, два мѣсяца въ Азовскомъ морѣ, и употребляя три мѣсяца на возвращенiе.

(***) Сельды (Spratte, sardine ou melette. Clupea sprattus) Это не настоящiя сельды, но похожiя на

раки ловятся изобильно. Наконецъ посѣтите земныя нѣдра; полюбуйтесь на блестящій скипетръ Природы, съ котораго сыплются для украшенія нашего хрустали, колчедоны, шпаты; захватите горсть желѣзной руды, и естьли угодно, соберите на горахъ рѣдкія окаменѣлости, раковины устрицъ, черепы морскихъ червей и проч. (*).

Природа сама предначертала раздѣленіе Крыма на три предѣла. Сѣверная часть отъ перекопа до Сальгира и Бульганака заключаетъ въ себѣ однѣ безводныя равнины, иногда песчаныя, иногда глинистыя, иногда покры-

---

нихъ. Вкусъ ихъ для меня ничѣмъ не хуже вкуса сельдей, привозимыхъ изъ Голландіи.

(*) См. ту же книгу, стр. 14, 16, 17.

тыя худыми травами. Эта другая Аравїйская пустыня, описанная славнымъ Бюффономъ. Отъ Сальгира до Кефы съ востока и до рѣки Альмы съ запада простирается каменистая земля, на которой округляются холмы, переливаются подобно волнистому морю изъ вала въ валъ, и наконецъ за Карасу-Базаромъ образуютъ цѣпи горъ. Тамъ царство Флоры и Помоны. Но щастливѣйшее положенїе мѣстъ въ полуденномъ краю, гдѣ скалы и утесы возвышаются амфитеатромъ, между тѣмъ какъ у подошвы ихъ являются нѣжныя сцены и декорацїи долинъ. Здѣсь благословенная Аркадїя, кабинетъ рѣдкостей для Натуралиста и богатая Лабораторїя Природы.

Таврическія Альпы, по составу своему изъ известковаго камня, стлантца и разныхъ окаменѣлыхъ тѣлъ морскихъ, принадлежатъ къ последнему классу горъ, и заключаютъ въ себѣ, говоря словами великаго Боннета (*), архивы наводненія, описаннаго древнѣйшимъ Историкомъ въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ вездѣ примѣтны слѣды первобытнаго состоянія сихъ горъ, признаки ихъ произхожденія и доказательство того мнѣнія, что воды нѣкогда покрывали ихъ, и удалясь изъ береговъ своихъ, оставили ихъ въ сушѣ. Тамъ встрѣчаются окаменѣлыя

(*) См. Contempl. de la Nature par charles Bonnet, Tome I page 20 note 13 edit. de Hambourg. in 8.

раковины, мадрепориты (*)

(*) Мадрепориты, или окаменѣлыя тѣла животныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ кораловъ мадрепоровъ и проч. — Сіи кораллы и мадрепоры, которые, до важныхъ открытій нашего времени, почитались за морскія растѣнія, явили намъ въ себѣ, при взглядѣ тщательныхъ наблюдателей, многочисленныя семейства полиповъ, или червей морскихъ. Сіи чудесныя существа, которыхъ исторія подъ перомъ Боннетовъ и Реомюровъ любопытнѣе въ тысячу разъ, нежели Исторія человѣческая подъ кистью Боссюетовъ и Вольтеровъ; сіи чудесныя существа, говорю я, строютъ сами себѣ на днѣ моря каменныя растѣнія, живутъ каждой въ особливомъ отдѣленіи, какъ въ ложѣ или въ нишѣ, и плодятся тамъ, подобно какъ пчелы въ ульяхъ. Въ слѣдствіе сей аналогіи ихъ называютъ нынѣ Ruches de Polypes, улья полиповъ. Заманчивость такой матеріи подаетъ мнѣ желаніе перевести изъ славнаго Бон-

нета одно мѣсто о сихъ морскихъ полипахъ или мадрепорахъ. — „Оболочка или ножны „сихъ крошечныхъ существъ (го„воритъ онъ), которые соста„вляютъ съ ними одно тѣло, „состоятъ изъ каменнаго веще„ства. Это каменное вещество „входитъ въ составъ второклас„сныхъ горъ изъ известковой „земли. Миллїарды сихъ морскихъ „тѣлъ, миллїарды ихъ поколѣ„нїй, скопясь на днѣ морскомъ, „въ продолженїи вѣковъ про„извели наконецъ сїи неизмѣ„римыя громады, которыя море „вскрыло, удалясь изъ береговъ „своихъ. Есть горы, составлен„ныя по видимому изъ од„нѣхъ раковинъ, даже изъ ихъ „обломковъ, и стекло замѣти„ло множество сихъ раковинъ „тамъ, гдѣ ихъ прежде не по„дозрѣвали. Слѣдственно изве„стковая земля въ горахъ „имѣетъ свое происхожденїе отъ „тѣлъ животныхъ." — Contempl. de la Nat, par charles Bonnet. Tome I. partie II. chap. IV. Note 2. Кто бы думалъ, что сїи величественные столпы, которые подпираютъ на землѣ сводъ не-

(*) белемниты. (**) Повторимъ съ Палласомъ, что на сихъ горахъ раскрывается та книга, гдѣ наблюдатель можетъ читать исторїю земнаго творенїя (***).

Кряжъ земли на семъ полуостровѣ есть по большой части черноземъ, смѣшанный съ мѣломъ и гли-

бесный, слѣпились изъ тѣлъ морскихъ, которыя таятся во глубинѣ пучинъ въ малости, непримѣтной для глаза человѣческаго? Какъ не благодарить науку за то, что она открыла намъ изъ таинствъ Природы? Гдѣ лучшее доказательство, естьли бы оно нужно было, творческаго разума?

(*) См. Tableau Phys. et Topogr. de la Tauride par Pallas page 12 и 19.

(**) См. ту же книгу.

(***) См. Tabl. Phys. et Topogr. de la Tauride par Pallas. page 5.

ною (*). Рѣки ее орошающія, травы на ней растущія и собственное свойство ея, мною означенное, дѣлаютъ ее плодородною. Она изливаетъ лучшіе дары свои на Керчинскомъ полуостровѣ, въ окрестностяхъ Сальгира, и на полуденномъ берегу полуострова. Урожай хлѣба оправдываетъ свидѣтельство древнихъ Историковъ, что земля, едва вспаханная, приноситъ тридцать процентовъ. Съ пшеницы получается тридцатое зерно, съ просы сто пятидесятое (**).

Говоря о Крымѣ, не можно не упомянуть о Черномъ морѣ, которое обращало на

(*) См. Физич. Описан. Таврич. Обл. стран. 4.

(**) См. Физич. Опис. Таблица.

себя вниманіе и древнихъ и новыхъ. Нѣкоторые Историки и Географы называли его въ древности островомъ воды, потому что твердая земля окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Замѣчательно, что окружность сего моря, на которомъ обитали всегда Скифы, представляетъ рисунокъ одного ихъ оборонительнаго оружія: лука. Длина его, по мнѣнію Геродота, въ 11100 Греческихъ стадій, ширина въ 3300 (**). Бас-

(*) Около четырехъ сотъ девятнадцати милей длины, по изчисленію Автора Анахарсиса, и около 124 милей ширины. Руской переводчикъ Геродота полагаетъ 1,110,000 саженей Рускихъ длины и 330,000 саженей ширины. Слѣдственно Черное море имѣетъ 2220 верстъ длины и 660 ширины. См. повѣст. Иродота пере-

сейнѣ его наполняется течевіемѣ сорока рѣкѣ, которыя, впадая вѣ него разными устьями, проливаютѣ сѣ собою почти всѣ воды Азіи и Европы. Днѣпрѣ приноситѣ ихѣ отѣ востока; Истерѣ отѣ сѣвера, многія другія отѣ запада и юга. Казалось бы, что такое стеченіе водѣ вѣ одно море должно было произвести страшное разлитіе вѣ берегахѣ его, тѣмѣ болѣе, что нѣтѣ никакого прохода для снесенія водѣ, кромѣ узкаго Восфорскаго пролива; но таково дѣйствіе воздуха и солнца, вытягивающаго изѣ него испаренія, что оно никогда не прибавлялось примѣтнымѣ обра-

---

вед Андреемѣ Нартовымѣ. Томѣ II и см. Voy. de Jeune Anacharsis. Tome II. page 8.

зомъ (*). Многїе даже думаютъ, что сїе море имѣетъ менѣе глубины, нежели другїя извѣстныя моря. О свойствѣ водъ Черноморскихъ несогласны Историки. Древнїе писали ужасы о вѣтрахъ, свирѣпствующихъ на семъ морѣ, о противоборствѣ волнъ, объ опасности третьяго вала (**), но одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, оспоривая мнѣнїя древнихъ, говоритъ, что Черное море не имѣетъ ничего чернаго, кромѣ имени своего; что Валерїй - Флагъ, какъ Поэтъ, увеличилъ дѣйствїе, и что можно простить одному нещастному Овидїю страшное

(*) См. Voyage de Tournefort letr. XXV.

(**) Смотри Hist. de la Rep. Rom. par Salluste Tome II. page 209.

описанїе бурь Эвксинскихъ (*). Какъ бы то ни было въ разсужденїи сего послѣдняго предмета, Черное море есть и будетъ однимъ изъ удивительнѣйшихъ памятниковъ земнаго творенїя.

Природные жители Крыма Татаре, извѣстны и по описанїю Геродота, подъ имянемъ Скифовъ, и по славному Анахарсису, которой родился въ ихъ народѣ, и наконецъ по Чингисъ-Ханамъ и Тамерланамъ. Сей народъ, безобразной лицемъ, какъ говоритъ одинъ славной Писатель (**), былъ повелителемъ мїра, основателемъ и разрушителемъ царствъ. Во

(*) См. Voyage de Tournefort. letr. XVI.
(**) См. въ Encyclopedie Tartares.

всѣхъ вѣкахъ земля чувствовала силу руки его; во всѣхъ странахъ народы стенали подъ игомъ его власти. Онъ поставилъ престолъ своего владычества въ Моголѣ; скипетръ славнаго Кира перешелъ въ его руки; и наконецъ, чтобы описать однимъ словомъ его важное опустошенїе, Римская Имперїя пала передъ его потомками. Исторїя Татаръ въ нѣсколькихъ словахъ, говоритъ Волтеръ: они выбѣжали изъ степей своихъ въ 1212 году, и завоевали полсвѣта въ 1236 (*).

Но сей народъ, незабвенный въ исторїи человѣчества,

(*) См. Eſſai ſur les moeurs et l'esprit des nations par Voltaire. Oeuvres complettes in 8. Tome 17. page 184.

славный по храбрости, обнявшій своею властью половину нашей гемисферы, живетъ нынѣ въ неизвѣстныхъ странахъ свѣта безъ просвѣщенія, и будучи незнакомымъ со славою своихъ предковъ.

Однакожъ остережемся отъ нѣкотораго предубѣжденія. Народы вообще, какъ и частной человѣкъ особенно, бываютъ иногда нещастливы въ самомъ блескѣ славы и благополучны въ тѣни неизвѣстности. Въ первомъ положеніи были можетъ быть древніе Татаре; послѣднимъ жребіемъ наслаждаются, кажется, нынѣшніе.

Они не сдѣлали еще того шага, которой, удаляя отъ природнаго состоянія, не приближаетъ къ общественному разуму, которой

приводитЪ насЪ вЪ противо-рѣчіе сЪ собой самими; которой оставляетЪ насЪ несовершенными существами между искуства и природы, безЪ естественнаго смысла и безЪ пріобрѣтенныхЪ понятій. О нравственности ихЪ можно сказать, что говоритЪ одинЪ Французской писатель обЪ НеаполитанцахЪ, что добродѣтели выцвѣтаютЪ еще только между ими, но и пороки, прибавлю я, еще не раскрываются. Они живутЪ тихо, просто и покойно. КругЪ ихЪ жизни и ума таковЪ, что мысли утра и вечера, упражненія севоднишнія и завтрешнія сливаются, подобно какЪ заря сЪ зарей, и не оставляютЪ никакой пустоты вЪ душахЪ ихЪ. Тѣло ихЪ любитЪ по-

коиться въ лѣности, такъ какъ умъ ихъ, не приведенной въ движенie, любитъ бездѣйствie. Естьли земля принесла поселянину, что нужно для пропитанiя жизни; естьли хижина его весела и подруги вѣрны ему, то онъ и доволенъ. Щастie, или лучше сказать, понятie о щастiи не тревожитъ его. Оно такъ легко и возможно, что онъ всегда находитъ его подъ рукою, не заботится объ немъ и, естьли можно такъ сказать, щастливъ безпечностью своей о щастiи.

Естьли мы обратимся къ торговлѣ сего полуострова, сличимъ путешественниковъ и наблюдателей (*),

(*) См. Tabl. Phys. er Topograph. de la Tauride. par Pallas. edit de Petersb. in 18 и traité de la mer noire par Peyssonel.

разсмотримъ природныя произведенія Крыма: то заключимъ безъ глубокаго изслѣдованія, что сія земля можетъ обогатить Россію, есть-ли миръ позволитъ Правленію обратить свое вниманіе на сей важной предметъ, которой требуетъ попеченій и ободренія.

><><><><><><><><><><><

ПИСЬМО CXX.

На Восфорскомъ проливѣ.

Сажусь на судно, чтобы плыть отъ Крыма къ берегамъ Фанагоріи — бросаю послѣдній взглядъ на прелестный полуостровъ — и пою съ моею тихою Музою:

Прости въ тѣняхъ цвѣтущій Крымъ,
Простите горы и долины,
Поля, лѣса, холмы, равнины
И шумъ морей и хижинъ дымъ,

И вы, прекрасныя раины,
Гдѣ скрытой съ щастiемъ въ тѣни,
У струй прохладнаго Сальгира,
Въ бальзамѣ травъ, въ игрѣ Зефира
Вкушалъ я щастливые дни.
И вы, и вы жилища мира,
Простыя хижины Татаръ,
Гдѣ дышетъ дружбы чистой жаръ,
Невинность сердца, совѣсть правды,
Гдѣ люди людямъ въ сердцѣ рады.
И вы, небесный лучшiй даръ,
Чего въ Природѣ нѣтъ милѣе,
Но что въ Крыму еще нѣжнѣе,
Любезнѣй кажется сто разъ,
Красавицы, пастушки, Нины,
Простите — оставляю васъ,
Простите всѣ въ послѣднiй разъ!

Твои луга, твои долины,
Твои цвѣтущiя равнины

Не могутъ быть, прелестный Крымъ,
На вѣкъ убѣжищемъ моимъ.
Есть нѣчто для души святѣе;
Щастливой уголокъ земли,
Какъ ты ни милъ, но мнѣ милѣе
Мое отечество вдали.
Въ твоихъ предѣлахъ рай встрѣчаю
И царство вѣчныя весны;
Но духомъ, сердцемъ отлетаю
Въ угрюмость сѣверной страны.
Тамъ небо мрачно и ненастно,
Бореи въ воздухѣ ревутъ,
Но тамъ друзья мои живутъ:
А съ ними, и безъ солнца ясно,
Въ пустынѣ рай, вездѣ прекрасно.
Хотя жь тебѣ, твоей веснѣ
Предпочитать друзей я буду,
Но вѣчно, вѣчно не забуду,
Что я любилъ въ твоей странѣ;
Что мило, вѣчно мило мнѣ.

Зимой въ трескучїе морозы,
На хладной родинѣ моей
И на снѣгахъ увижу розы
Твоихъ луговъ, твоихъ полей.
На соснахъ, вѣтромъ обнаженныхъ,
Стоящихъ томно на поляхъ,
Услышу птицъ твоихъ весеннихъ,
Поющихъ сладко на кустахъ.
Раздастся въ сердцѣ дней осеннихъ,
У насъ въ Природѣ первой разъ,
Веселья хоръ и щастья гласъ.
Изчезнутъ виды мѣстъ прелестныхъ,
Далеко буду отъ тебя;
Но въ воображеньѣ у себя
Въ обманахъ и мечтахъ сердечныхъ
Найду опять любезной Крымъ,
И буду снова, снова имъ
Съ живѣйшимъ чувствомъ наслаждаться,
Питаться воздухомъ драгимъ;

Зефиромъ нѣжнымъ освѣжаться,
Прекраснымъ солнцемъ освѣщаться,
Пить нектаръ изъ живыхъ ключей;
И часто, часто межь тѣней,
Съ пастушкой нѣжной укрываться.
Такъ буду жить еще съ тобою,
Хотя и разлученъ судьбою,
О милой полуостровъ Крымъ!
Для сердца нѣтъ предѣловъ дальныхъ,
Воображенье можетъ все.
Ты будешь у меня въ душѣ,
Въ умѣ и въ сихъ стихахъ прощальныхъ.
Я былъ твой гость: будь ты моимъ,
О милый полуостровъ Крымъ!

Вѣтеръ развѣваетъ парусы, море пѣнится подъ

рулемъ судна; мы летимъ по волнующейся равнинѣ, и я, стоя на палубѣ, разбираю всѣ части величественнаго горизонта, которой насъ окружаетъ.

Восфорской или Киммерїйской проливъ, на которомъ вы меня видите, раздѣляетъ Эвксинской понтъ съ Меотическимъ озеромъ, Таврическїй полуостровъ съ островомъ Таманскимъ, наконецъ Европу съ Азїей. Пространство между двухъ береговъ было вымѣряно нашимъ Княземъ Глѣбомъ, которой владѣлъ въ Тмутаракан̂ѣ. Оно составляетъ около 16 верстъ.

На самомъ мѣлкомъ мѣстѣ Азовскаго моря стоялъ, по свидѣтельству древнихъ Писателей, храмъ, посвящен-

ный Ахиллесу (*); но тщетно почитатели древности будутъ искать его: никакихъ слѣдовъ не осталось.

На лѣвой рукѣ разливается то великолѣпное озеро, о которомъ упомянулъ я, извѣстное въ древности подъ именемъ Меотиды (Meotis), такъ названное по изобилію водъ, протекающихъ изъ него въ Черное море (**); но въ наши времена извѣстное подъ именемъ Азовскаго, даннаго ему отъ рыбъ сего имени, которыя здѣсь ловятся въ изобиліи. Окружность его имѣетъ около 9000 стадій, около 200 Французскихъ миль и около 1400 верстъ нашихъ (***).

(*) См. Hist. de la Rep. Rom. par Salluste. Tome. II. page 268.
(**) Ibid. page 269.
(***) Ibid. page 268.

До сего моря, котораго воды омывают стѣны города Азова, извѣстнаго въ древности подъ названіемъ Танаиса, распространилъ ПЕТРЪ I предѣлы Россійской Имперіи. ЕКАТЕРИНА II здѣлала другой шагъ, отодвинувъ границы до Чернаго моря, и оправдала имя ЕКАТЕРИНЫ *Второй*. Куда двинутъ еще насъ, въ обширномъ пути народовъ, сила и мудрость тѣхъ Царей, которые наслѣдуютъ въ Ихъ царствѣ и славѣ?

На правой рукѣ шумитъ передъ нами Эвксинской понтъ, которой былъ свидѣтелемъ похищенія Европы, разсказаннаго Овидіемъ, путешествія славныхъ Аргонавтовъ, и наконецъ строенія того моста, которой

былъ проведенъ Даріемъ чрезъ Фракійской Восфоръ. Мы находимся въ разстояніи отъ древней Византіи, или нынѣшняго Константинополя, на одни сутки, и Греція недалека отъ насъ. Все дѣлается живымъ въ моемъ воображеніи; щастливая фантазія дышетъ, кажется, въ томъ вѣтеркѣ, которой несется съ береговъ Аттики, и я лечу мысліею въ отечество Музъ и Грацій....

Между тѣмъ волны приносятъ насъ къ берегу, земля показывается, и я выхожу печально на островъ Таманской.

Конецъ третіей Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Третїей Части.

ПИСЬМО LXXVIII.

Симферополь.

Стран.

ПИСЬМО LXXIX.

Симферополь.

ПИСЬМО LXXX.

Симферополь.

Стран.

Справ.

ПИСЬМО XCV.

На горахъ.

ПИСЬМО XCVI.

Байдары.

ПИСЬМО XCVII.

Кучук-Кой.

ПИСЬМО XCVIII.

Алубка.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

ПИСЬМО CXIV.

Евпаторїя.

ПИСЬМО CXV.

Эски-Крымъ.

ПИСЬМО CXVI.

Арабатъ.

ПИСЬМО CXVII.

Керчь.

ПИСЬМО CXVIII.

Эникалъ.